

Б И Б Л И О Т Е К А

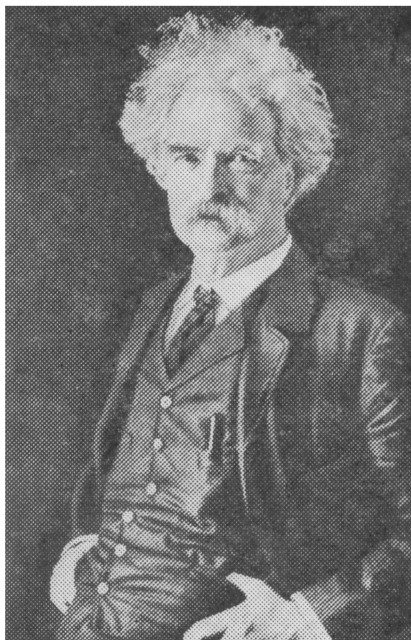
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 28

1985

Марк ТВЕН

**ОЗНАКОМЬТЕСЬ
С БИОГРАФИЕЙ
ПРЕТЕНДЕНТА**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

Марк ТВЕН

**ОЗНАКОМЬТЕСЬ
С БИОГРАФИЕЙ
ПРЕТЕНДЕНТА!**

Рассказы, фельетоны,
афоризмы, шутки

Перевод с английского

Марк ТВЕН

Прославленный американский писатель Марк Твен (псевдоним С. Л. Клеменса, 1835—1910), столетие со дня рождения которого отмечается в ноябре этого года, известен советскому читателю по книгам «Жизнь на Миссисипи», «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий», многочисленным рассказам, юморескам, фельетонам, шуткам. Марк Твен верил в силу сатиры. «У человечества есть одно неоспоримо действенное оружие — смех, против смеха ничто не устоит!» — говорил он. И Твен всю жизнь мастерски бичевал пороки, используя это оружие.

Сборник озаглавлен «Ознакомьтесь с биографией претендента!» — по фельетону, высмеивающему некоего Джеймса Блейна, которого, несмотря на его преступную биографию, влиятельная часть республиканской партии стремилась выдвинуть кандидатом на пост президента США. Среди публикуемых в книге рассказов, фельетонов, юморесок есть малоизвестные широкому читателю («Невообразимая русская баня», «Политическая экономия», «История с привидением», «Восстановление аппетита»).

Марк Твен своим творчеством способствовал становлению американской литературы XIX—XX вв., и недаром Эрнест Хемингуэй называл в качестве ее основы книгу о Гекльберри Финне.

ОЗНАКОМЬТЕСЬ С БИОГРАФИЕЙ ПРЕТЕНДЕНТА!

Я почти окончательно решил выставить свою кандидатуру в президенты. Соединенным Штатам нужен прежде всего такой кандидат, которому уже не сможет повредить расследование его биографии; даже если партийные враги начнут копаться в его темном прошлом, там уже не обнаружится никаких сюрпризов для избирателей. А если кандидат заранее известен с самой худшей стороны, то ищущие под него подкопа сами сядут в лужу, только и всего. Вот почему я хочу выйти на политическую арену без личных тайн. Я намерен сам рассказать о всех своих неблагоприятных поступках, и пусть тогда комиссия конгресса затевает расследование моего прошлого в поисках каких-то гнусных фактов, которые я будто бы скрыл. Днем с фонарем не найдет!

Открыто заявляю, что зимой 1850 года я загнал на высокое дерево моего дедушку. Он был стар и скрючен ревматизмом, и вряд ли это был большой мастер лазания по деревьям; но я со свойственной мне безжалостностью выгнал его ночью из дома, нацелив на него ружье, и заставил вскарабкаться на старый клен, где он просидел до утра с простреленными ногами. А почему я так расправился со стариком? Чтоб не храпел. И если у меня опять появится такой родственник, я также ни перед чем не остановлюсь. Каким я был извергом двадцать девять лет тому назад, таким и остался.

Готов засвидетельствовать, что я дезертировал из армии северян во время битвы при Геттисберге. Мои приспешники пытаются замазать этот факт, изображая дело так, будто я, как Вашингтон под Вэлли-Фордж, побежал в лес помолиться богу. Жалкая выдумка! Бежать-то я бежал и даже прямехонько до тропика Рака, и по одной-единственной причине: потому что трусил...

По финансовым вопросам я придерживаюсь весьма решительных взглядов, хотя знаю, что противники инфляции меня не поддержат. А для меня не существует разницы между твердой золотой валютой и ассигнациями. Основной, важнейший принцип, которому я следую всю жизнь, — это хватать любые деньги, и золотые и бумажные, какие только удастся загрести.

Слухи о том, что я похоронил свою тетушку у себя в винограднике, совершенно достоверны. Винограднику требовалось удобрение, те-

тушку надо было предать земле, вот я и приспособил покойницу для этой благой цели. Неужто это грозит испортить мои шансы быть избранным на пост президента?! В конституции нашего государства на сей счет ничего не сказано. Ни одному гражданину Соединенных Штатов не был сделан отвод, когда выдвигалась его кандидатура в президенты, по той причине, что он удобрял виноградник останками своих родственников. Почему же я должен стать жертвой столь нелепого предрассудка?

Последнее признание: я не являюсь другом бедных. При нынешнем положении я считаю бедняков сырьем, которое пропадет совершенно зря. А если их рубить на куски и консервировать по правилам науки, ими можно подкармливать жителей Острова людоедов, что, кстати, будет способствовать нашей экспортной торговле. Я намерен рекомендовать принятие соответствующего закона в своем первом президентском послании конгрессу. Свою избирательную кампанию я буду проводить под лозунгом «Порубим рабочую бедноту на колбасу!»

Ну вот, пожалуй, самые неприглядные факты из моей биографии. Поведая их, прошу любить и жаловать. А если я не угоден вам, мои уважаемые соотечественники, что ж, вернусь туда, откуда пришел. Но все же я настойчиво рекомендую вам себя как человека вполне надежного, который вступает на это поприще уже абсолютно растленным и полон решимости оставаться негодяем до конца.

ФАКТЫ ПО ДЕЛУ ШВЕЙЦАРА СЕНАТА

Ввиду того, что это дело привлекло внимание дипломатических кругов и породило множество толков в печати как Соединенных Штатов, так и Европы, я вынужден коротко и ясно изложить имевшие место факты, предоставив публике самой рассудить, кто прав: я или правительство.

Когда я ушел с поста рассыльного в палате представителей, лучшие граждане страны встревожились за судьбу республики. Насколько их тревога была обоснованной, я говорить не стану. Было бы не совсем скромно распространяться на эту тему, достаточно вскользь указать лишь на то, что, пока я занимал в государственном аппарате указанный выше пост, дела правительства процветали и не единого темного облачка на политическом горизонте не было. Однако не успел я уйти в отставку, как переговоры с Англией относительно алабамских претензий были прерваны и закончились ничем. Возможно, что это явилось следствием моей отставки, а возможно, что и нет. Я воздержусь от оценок.

Что бы там ни было, но, как я уже сказал, лучшие граждане страны взволновались не на шутку. Они навестили меня в моем добровольном изгнании и умоляли вернуться и снова встать у кормила власти. Трения с иностранными государствами, вызванные, очевидно, новым порядком вещей, требуют моего возвращения, настаивали они; родина взывает ко мне за помощью в столь трудный для нее час, и если я хочу навеки остаться в сердце народа, то я не должен покидать его в такое время. Так, изведенный вконец просьбами, я постарался забыть душевную горечь и свои обиды и вернулся в правительство Джонсона на пост швейцара сената.

Я был уверен, что судьбе уже надоело преследовать свою жертву. Был ли я прав? Обстоятельства покажут.

Утром в первый день вступления на новый пост я запер в сенате все двери, кроме одной, и встал у входа. Вскоре ко мне подошел какой-то джентльмен и попытался проникнуть внутрь. Я остановил его и спросил:

— Так-с. Что вам угодно, сэр?

— Разумеется, пройти.

— Ага, значит, вам желательно пройти? Так-с, так-с. Что же, мы можем обсудить этот вопрос, если у вас есть свободное время. Кто вы такой?

— Милостивый государь, вы нахал. Я председатель сената.

— Председатель сената?.. Вот как! В таком случае позвольте узнать вашу фамилию.

— Меня интересует просто из любопытства, как далеко вы зайдете в своем шутовстве. Я Уэйд. Бенджамин Уэйд.

— Уэйд... Уэйд... Не помню, чтобы я где-то слышал про вас. Это ваше подлинное имя или псевдоним?

— Разумеется, подлинное.

— И откуда вы, мистер Уэйд?

— Из Огайо.

— И сколько же вам лет, мой друг?

— В январе исполнилось пятьдесят два.

— Пятьдесят два? Вы выглядите старше, намного старше, Уэйд. Я бы сказал, вам можно дать все сто тридцать, если не сто сорок. Но возраст ничего не значит, главное ведь — благородное происхождение. Истинного джентльмена я за милую вижу. Уж это точно. Вы только что сказали мне, что вы здесь председатель. А документики на этот счет имеются у вас?

Да, они у него были. Приняв во внимание, что передо мной находится Главный смотритель здешней кунсткамеры, я пропустил его бесплатно. Но сколько хлопот доставили мне другие! Иные сенаторы вообще никаких удостоверений при себе не имели, так что пришлось оставить их на улице. Со всех прочих я потребовал по

пятьдесят центов за вход. Но как только в зале собрался кворум, они постановили, чтобы пристав сената заставил меня вернуть полученные деньги. Эта наглая узурпация моей власти едва не привела меня к новому разрыву с правительством, однако я сдержался, решив выждать более благоприятный случай.

На дневном заседании кто-то из сенаторов обратился к председателю с заявлением, что он желает внести резолюцию, признающую короля Теодора агрессором.

Тут я поднялся и сказал:

— Ваше высочество, прошу слова к повестке дня. Этот старый джентльмен, который только что сел...

— Молчать! Швейцар должен находиться на своем месте у входа!

Это был голос того самого человека, причем единственного, которого я пропустил бесплатно! Я почувствовал себя слишком взволнованным, чтобы продолжать речь. И затем в течение трех дней я не мог получить слова. Всякий раз, когда я пытался говорить, меня осаживали. Когда производилось голосование *viva voce*¹, на мой голос не обращали внимания; при раздельном голосовании меня не считали, независимо от того, стоял я или сидел; во время поименных переключек моя фамилия всегда старательно пропускалась секретарем или его клевретами. Я часто голосовал и «за» и «против» по одному и тому же вопросу, чтобы уличить секретаря сената, и мне это не раз удавалось. Все это время галереи были переполнены людьми со всех концов страны, которые страстно желали выслушать мою речь. Но вопреки всему, не считаясь с их чувствами, меня продолжали третировать.

На четвертый день Главный смотритель этой кунсткамеры провозгласил особый порядок дня: обсуждение сенатского билля о признании генерала Гарибальди римским генералом, представителем Италии и гражданином США. Вот он, подходящий случай! Я ждал, я только ждал, чтобы, воспользовавшись особым порядком дня, произнести приготовленную мною речь.

Поднявшись, я сказал:

— Ваше императорское величество! У меня в руках «Декларация с поправкой к декларации о даровании всеобщих прав женщинам». Женщина, ваше королевское величество... О, женщина! В наши часы досуга эта ветренная, капризная щebetунья...

— Молчать!

Не стоит повторять тираду, произнесенную лично, которую слепой случай с помощью большинства голосов вознес до положения председателя сената. Я был унижен. И этим сказано все.

Я выждал час. Некий сенатор из глухой индейской резервации старался всех уморить глупейшим разглагольствованием о Гарибальди и о каких-то бунтовщиках-французах, но было ясно, что публика на

¹ Устно (лат.)

галерках изнывает от нетерпения выслушать мою речь. Я снова поднялся и начал:

— Ваше королевское величество! Женщина! О, женщина в наши часы досуга...

Мне не дали договорить. Буря злобных выкриков обрушилась на меня, и похоже было, что я вот-вот подвергнусь оскорблению действием. Приставу сената было приказано усадить меня на стул и держать за руки. В таком унижительном положении я пребывал целых два часа. Вообразите только, что я за это время пережил! Здесь американскому народу показали зрелище, которого еще не знала история: сенат попирал и унижал права одного из своих членов. Этого я не мог вынести. Всеми фибрами своей души, всем своим существом я был возмущен. В середине напыщенной, сентиментальной речи председателя по поводу приключения новоиспеченного сенатора из какого-то тюленевого штата, который заблудился в диких местах своего родного края и восемнадцать дней не ел ничего, кроме айсберга, я прервал собственное выразительное молчание и загремел:

— Женщина! О, женщина в наши...

На моем пути была дверь... Теперь ее нет! Такова работа сенатской черни. Я упал на пол в вестибюле, и в одно мгновение вся собравшаяся в Капитолии мудрость нации погребла меня под собой. Но опустим занавес над этой постыдной сценой.

Я перехожу к заключительной главе печальной повести о моей карьере. Основные события разыгрались на следующей день. Их кульминационной точкой был доклад судебной комиссии, вернее, два доклада. Пятеро членов комиссии, то есть большинство, вынесли дикое постановление, озаглавленное «Пункты по обвинению швейцара сената Соединенных Штатов Америки в государственной измене». Четверо остальных, оказавшиеся в меньшинстве, в своем докладе защищали меня. В любопытном документе номер один указывалось, что меня надлежит предать суду по следующим конкретным основаниям, а именно:

Что я использовал власть, предоставленную мне конституцией Соединенных Штатов Америки, для взимания со всех сенаторов пятидесяти центов за вход в их собственное помещение Капитолия.

Что я голосовал как устно, так и разделением во время сессии сената Соединенных Штатов «за» и «против», в прямое нарушение той статьи конституции Соединенных Штатов Америки, которая категорически запрещает швейцару сената голосовать по любому вопросу, рассматриваемому данным учреждением;

Что я то и дело требовал слова к повестке дня, настаивая на каких-то своих особых привилегиях и т. д., прерывал заседания сената, пытаюсь произнести речь по вопросу, который в этот момент не рассматривался,— речь, всегда начинающуюся с одной и той же набив-

шей оскомину фразы: «Женщина! О, женщина...» Все это в прямое нарушение той статьи конституции Соединенных Штатов Америки, которая со всей определенностью указывает, что швейцар в работе сената не имеет права участвовать;

Что я пытался внести на обсуждение декларацию о правах женщин в тот момент, когда в особом порядке рассматривался вопрос о национальном герое Италии, что представляет прямое нарушение той статьи конституции Соединенных Штатов Америки, в которой ясно сказано, что при любых условиях вопрос специальной повестки дня, ставший предметом обсуждения, является главным по отношению ко всем другим;

Что я неоднократно вносил беспорядок в работу сената повторением своей речи, начинающейся словами: «Женщина! О, женщина...», а затем спровоцировал хаос новой попыткой произнести свою речь, чем, по сути дела, замедлил реорганизацию вышеуказанного учреждения, когда, казалось, вот-вот она завершится,— и все это, в совокупности с вышеупомянутым требованием пятидесяти центов за вход в здание сената, является вопиющим нарушением той статьи конституции Соединенных Штатов Америки, в которой прямо говорится, что объявление войны или сборище налогов швейцаром сената по его личному усмотрению приравнивается к государственной измене и наказуется смертью...

Сенат покрыл себя позором. Теперь, когда эти господа сделали свое дело, я стою перед лицом моей страны как швейцар, попавший в немилость. Но непоколебимый, как утес, я остаюсь на своем посту и жду вашего решения.

Марк Твен, швейцар *ad interim*¹

О РАВНОПРАВИИ ЖЕНЩИН

Письмо в редакцию газеты «Миссури Демократ»

Уважаемая редакция!

Я прочел длинный список женщин (двести имен), подписавших петицию с требованием равноправия, и как муж и отец семейства должен заявить решительный протест против всего этого дела. Совершенно нецелесообразно давать женщинам право голоса, и вряд ли что хорошее получится, если их допустить к занятию государственных должностей. Вы, как и я, понимаете, что если им дать права, то покоя не жди. Они доведут страну до банкротства. Женщины до страсти любят занимать всякого рода посты. Им нравится называться

¹ Временно исполняющий обязанности (лат.)

«Миссис Смит — председательница благотворительного общества», или «Миссис Джоунс — секретарь международной ассоциации помощи голодающим индусам», или там миссис такая-то — казначей такого-то союза. Их больше всего прельщает почет, и они прямо-таки упиваются сладостными звуками пышного титула. Они вечно образуют всякого рода ханжеские общества и союзы, чтобы потом устроить драку за председательское место. Они настолько любят занимать почетные должности, что готовы служить даже бесплатно. А дайте им право голоса и допустите хоть разок в законодательные органы, тогда увидите, что произойдет! Они ударятся в свою новую деятельность, организуют вам тысячи новых обществ и представят такой счет налогоплательщикам, что потрясут ваши чувства до глубины ваших карманов. Первый же проект государственного бюджета доведет вас до белого каления. Взамен привычного штатного расписания: судьи, государственный секретарь, министры, клерки верховного суда — вы увидите такую вот примерно годовую смету:

Председательница благотворительного общества	4 тыс. долл.
Заместительницы председательницы (каждой)	2 тыс. долл.
Председательница женского союза молитвенных собраний	3 тыс. долл.
Председательница общества по ликвидации неграмотности среди племени поуни	4 тыс. долл.
Председательница женского общества по распространению изящной литературы среди эскимосов	5 тыс. долл.
Главная законодательница мод по департаменту	10 тыс. долл.
кринолинов	10 тыс. долл.
Главная законодательница мод по департаменту	10 тыс. долл.
шиньонов	10 тыс. долл.
Главная инспектриса по репейному маслу для дамских	10 тыс. долл.
причесок	10 тыс. долл.
Главная законодательница по департаменту чепцов	50 тыс. долл.
и шляпок	50 тыс. долл.

Состояние анархии и хаоса — вот что вызовет такая смета. В штате Миссури не останется ни одной женщины, которая не бросит все ради должности законодательницы мод чепцов и шляп. И не в пример мужчинам, которые если критикуют, то лишь политические ошибки своих предшественников, женщины кинутся ворошить историю всей личной жизни своих соперниц. Уж я ли не знаю их породу! Моя супружница точно такая! Трех дней не пройдет с начала избирательной кампании, а уже громогласно заявят, что во всем нашем штате не существует ни одной дамы, которая могла бы являть собой «образец». А вы думаете, приятно мне услышать такой намек, если он будет

касаться и моей супруги? От кандидатки оппозиции, да и от других людей? Я и сам знаю, сказать по совести, что моя подруга жизни далеко не образец, особенно в вопросах религии, но я совершенно не желаю, чтобы во время политической кампании об этом узнали все. Честно говоря, я не верю, что такая женщина, как моя жена, может проявить таланты в будущем, хотя, кто знает, если она займется самосовершенствованием, то, может быть, в будущем станет светочем для других людей, но только я боюсь, коптить будет этот светоч изрядно! Нет, я стою на своем: избирательная кампания с участием женщин грозит нам катастрофой!

Вот вы представьте себе пышное факельное шествие с такими лозунгами на транспарантах:

«Никто, как Роббинс! Голосуйте за Салли Роббинс — единственную добродетельную кандидатку на эту должность!»

«Целомудрие, скромность, патриотизм! Пусть великая нация поддержит Мэри Сэндерс — поборницу нравственности и прогресса, единственную кандидатку с незапятнанной репутацией!»

«Голосуйте за Джуди Мак-Гиннис — неподкупную! Мать девяти детей! Девятый — грудной младенец!»

В день выборов муж спросит няньку:

— Что случилось с малышом?

А та ответит:

— С малышом? Да он с утра как болен.

— А куда девалась мать?

— Ушла агитировать за Салли Роббинс.

Или вот как будут разговаривать дамы при найме прислуги:

— Готовить умеешь?

— Умею.

— А стирать?

— Умею.

— И дом убирать?

— Умею это тоже.

— Хорошо. А за кого будешь голосовать на выборах самой главной по шляпкам?

— За Джуди Мак-Гиннис.

— Что?! Вон из моего дома!

Женщины ввязуются в политические дискуссии вместо того, чтобы обсуждать фасоны; забросят домашние дела, чтобы сходить и выпить с кандидатками; зато мужьям придется нянчить младенцев, пока их жены бегают по избирательным пунктам. И главным на выборах губернатора кандидат с красивыми, пышными усами без труда победит невзрачного, хотя и более мудрого соперника; а юнец, умеющий красиво танцевать вальс, станет начальником полиции скорее, чем мужчина, обладающий умом, энергией и волей.

По-видимому, каждый, кто пишет в газету о «благе народа», имеет

в первую очередь в виду собственные интересы, и я здесь не являюсь исключением. Да, я не желаю расширять права женщин. Моя жена и без того занимает девятнадцать постов во всех этих чертовых женских обществах, взвалив на меня всю свою канцелярию. А если мы еще откроем им доступ к политике, тогда моя супружница и там наверняка захочет получить какой-то пост, хоть, может, и самый дурацкий. Тогда уж я пропал! Закрутится она вконец, и даже та единственная обязанность, от которой я до сих пор отвиливал, тоже падет на меня, и это уже будет для моей семьи погибель. Ведь я никак не гожусь в кормилицы!

Искренне Ваш
Марк Твен.

НАШ ДРАЖАЙШИИ ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ

Присяжные по делу Мак-Фарленда совещались час пятьдесят минут. Над судейским столом и публикой в зале нависло гробовое молчание. Тишина среди этого огромного скопления людей была столь полной, абсолютной, что когда кто-то в дальнем конце зала приглушенно кашлянул, прочищая горло, то всех неприятно передернуло, так резко прозвучал этот кашель в застывшем воздухе. И вот в эту торжественную минуту послышался стук отворяемой двери, шарканье ног; головы людей, сгрудившихся у входа в совещательную комнату, закачались, и всем присутствующим стало ясно, что это «Двенадцать» возвращаются в зал. В воцарившейся тишине их старшина выступил вперед и начал речь:

— Ваша честь! Господа!

Мы, присяжные заседатели, на коих возложена обязанность решить, считать ли виновным сидящего на скамье подсудимых Дэниэля Мак-Фарленда, который, напав врасплох на невооруженного человека, застрелил его насмерть, или следует признать подсудимого страдающим тяжелой, исключаяющей уголовную ответственность душевной болезнью, требующей время от времени такой отдушины, как развлечение огнестрельным оружием, установили:

Дэниэль Мак-Фарленд является душевнобольным, ибо:

1. Отчим его прадеда страдал психическим расстройством и часто убивал людей, которые ему не нравились. Следовательно, психические заболевания в этой семье носят характер наследственных.

2. В течение девяти лет подсудимый мало заботился о нуждах семьи. Сильное косвенное доказательство душевного заболевания.

3. В течение девяти лет дом подсудимого служил ему по большей части ночлежкой; лишь в очень редких случаях туда врывается радость; обычно это было логовище пьяного, отупевшего зверя, но никогда ничто не напоминало там мирного семейного человека. Это тоже доказывает его душевную болезнь.

4. Однажды подсудимый отправился со своей юной незамужней суженой в музей, и тут его врожденный недуг дал себя знать настолько, что он стал икать и шататься, а на обратном пути к дому начал выказывать ей чувства, не положенные ему, как опекуну молодой девицы. Человек в здравом уме так не поступает.

5. Был период, когда ему приходилось с неудобством для себя посылать жену свою зарабатывать семье на пропитание публичными чтениями. И после, тратя в кабаке столь постыдно добытые деньги, этот гордый человек по временам испытывал такие муки, что он валился с ног, если не на что было опереться. В эти минуты он, как говорят свидетели, лил слезы в стакан в таком количестве, что виски превращались у него в чистую воду. Нормальный член демократической партии такой рассеянности себе не позволяет.

6. Когда у его жены бывали роды, он вдруг становился заботливым, что подтверждается показаниями его тестя. Такие внезапные вспышки щедрости еще раз указывают на психическую неустойчивость подсудимого.

7. Два года тому назад темным вечером подсудимый бесстрашно подошел сзади к Альберту Д. Ричардсону и выстрелом ранил его в ногу. Героическое противостояние невзгодам, длительная зависимость от заработков жены, которая много недель кряду едва зарабатывала на хлеб, сделали подсудимого настолько психически неустойчивым, что он в этот памятный день не сумел всадить пулю Ричардсону в живот, а стрелял ему в спину.

8. Год и два месяца тому назад подсудимый сообщил Арчибальду Смигу, что он собирается убить Ричардсона. Свидетельство душевного заболевания подсудимого.

9. Два месяца спустя он поведал Маршалу Р. Джоунсу, что убьет Ричардсона. Это было новое подтверждение того же.

10. Через три месяца подсудимый притаился в засаде у дома Ричардсона, объявив, что он намерен убить Ричардсона. Человеку в здравом уме такое не пришло бы в голову.

11. Семь месяцев назад он показал пистолет Сэму Брауну, сказав, что приготовил его для Ричардсона. Свидетель Браун заявил под присягой, что уже тогда было видно, что Мак-Фарленд не в себе, ибо идя по улице на протяжении пятидесяти ярдов, он долго выписывал вензеля и под конец свалился в канаву и уснул. Свидетель тогда еще заметил кому-то, что Мак-Фарленд ведет себя очень странно: вероятно, он не в своем уме. Выслушав показания Брауна, доктор медицины Джон В. Гален немедленно подтвердил наличие душевной болезни у Мак-Фарленда.

12. Пять месяцев тому назад обвиняемый вытащил по обычаю свой пистолет и, показав его своему другу Чарльзу А. Дейне, сказал, что застрелит Ричардсона при первом же удобном случае. Новое свидетельство душевного заболевания.

13. За полмесяца до этого случая подсудимый осведомился у Джона Моргана, который час, и, не дожидаясь ответа, повернулся и быстро зашагал прочь. Почти неопровержимое доказательство душевной болезни.

14. И весьма характерно, что очень скоро после этого случая подсудимый Дэниэль Мак-Фарленд, столкнувшись лицом к лицу с Альбертом Д. Ричардсоном, внезапно, без предупреждения набросился на него и застрелил насмерть. Это явилось уже бесспорным признаком помешательства. Все, известное нам о подсудимом, подтверждает мысль, что, будь он тогда в нормальном состоянии, он стрелял бы в свою жертву сзади, в спину.

15. Многие свидетели показали, что за час до рокового выстрела Мак-Фарленд находился в нервном, возбужденном состоянии, и через пять минут после убийства был явно чем-то озабочен. Вся совокупность фактов приводит к вескому и неопровержимому доказательству душевной болезни. Посему:

Ваша честь! Господа!

Мы, присяжные заседатели, заявляем, что вышеназванный Дэниэль Мак-Фарленд в убийстве не виновен, а является опасным душевнобольным.

Последовавшая за сим сцена почти не поддается описанию. Шляпы, носовые платки, дамские чепчики взметнулись над головами, троекратное «ура» и буйные выкрики возвестили, на чьей стороне симпатии суда и публики. Сотни вытянутых губ готовились расцеловать выпущенного из-под стражи заключенного; все присутствующие рвались позвать ему руку, но presto¹, с неистовством сумасшедшего убийца Ричардсона набросился на этих доброхотов и стал кусать, царапать и бить их ногами, раскалывать столами и стульями головы, и маниакальная быстрота, с какой он дробил черепа, ломал ребра, разрывал на части людские тела, пока добрая сотня граждан не превратилась в дымящуюся грудку мяса и окровавленного тряпья, напоминала пущенную на полный ход паровую машину, которая со слепым торжеством захватила человека и рвет и кромсает его, превращая в ничто, в мыльный пузырь, лопнувший под дуновением ветра.

Это был ужасный погром. Рассказывают, что за какие-то восемь минут Мак-Фарленд убил и искалечил свыше ста человек, разнес в щепы большую часть здания муниципалитета, где помещается суд, утащил и сбросил на Бродвее штук шесть мраморных колонн, каждая длиной по пятьдесят четыре фута и весом до двух тонн. Наконец его схватили и отправили в кандалах в сумасшедший дом пожизненно.

¹ мгновенно (итал.).

Однако самая любопытная часть этой истории еще впереди. Наиболее близкие друзья Мак-Фарленда считают, что, если вначале ссылка адвоката на помешательство подсудимого была просто хитрым предлогом, то после, когда суд присяжных вынес оправдательный вердикт, подсудимый в самом деле сошел с ума. Друзья полагают, что именно в этот момент его разум был потрясен ужасающей мыслью: что если двенадцать добропорядочных граждан, сознающих всю низость лжесвидетельства, клятвою заявляют, что человек сумасшедший, то более серьезного доказательства искать уже не требуется.

Эти друзья Мак-Фарленда, пожалуй, правы. Страшно подумать, что наибольшее несчастье, какое, вероятно, может стрястись с человеком, — потеря разума, было обрушено на этого беднягу присяжными заседателями, которые имели полную возможность отправить его на виселицу, тем самым оказав ему благодеяние, а отечеству услугу.

P. S. редактора газеты «Экспресс»:

«Никто, наверное, не поверит такому чудовищному сообщению, однако это правда: вместо того, чтобы, как я ожидал, запереть опасного безумца в сумасшедший дом, суд выпустил его на свободу. Комментарии излишни...»

ЛИТЕРАТУРА О ПАТЕНТОВАННЫХ ЛЕКАРСТВАХ, НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Реклама бесчисленных патентованных снадобий, которыми лечат все — от перхоти до мозолей, восторженно расписывает их волшебные свойства, выставляя напоказ сомнительного рода свидетельства каких-то людей о чудодейственном исцелении, и нередко заключает свои панегирики туманной фразой, что «тут еще и половины не сказано».

Прежде мне было невдомек, почему все же замалчивается эта вторая половина, но теперь, когда я получил доступ (неважно каким образом) к секретным архивам фабрикантов патентованных лекарств, причина их скромности для меня прояснилась. Если та половина, которая публикуется, говорит о пользе пилюль, порошков и эликсиров, то другая, сохраняемая в тайне, подтверждает, с не меньшей выразительностью, их вред. Эта другая половина — гора писем от несчастных жертв патентованных лекарств, и, поскольку обнародование подобных материалов сказалось бы роковым образом на сбыте этих снадобий, фабриканты и аптекари скрывают нелестную часть, обманывая нас двусмысленными заверениями, что добрая половина еще не рассказана. Письма эти — печальное свидетельство обманутого доверия — и составляют литературу о патентованных лекарствах, не предназначенную для печати.

Если бы изготовители патентованных средств поведали миру обе половины высказываний об их продукции, то цены на нее тотчас упали бы больше чем на сто процентов, и тогда самые бедные семейства могли бы позволить себе такую роскошь, как слабое здоровье, и глотали бы пилюли так же просто, как их более состоятельные и удачливые соседи.

Я не знаю, пропустят ли редакторы медицинских изданий столь опасные высказывания на страницы своих журналов. Поэтому я взял наугад из груды писем, скопившихся в одном торговом доме, распространяющем патентованные лекарства, несколько образцов и привожу их здесь, хотя из осторожности не сообщаю адреса этой фирмы.

«...Моя жена чувствовала такую слабость, что едва справлялась с хозяйством: стиркой, уборкой, шитьем и дойкой четырех коров. Порой мне приходилось даже самому колоть дрова и носить воду. Я потратил уйму времени на консультации с врачами по поводу ее болезни, но неизменно получал ответ, что нечего ждать улучшения, пока не найму прислугу и не дам ей отдых. Этого я не мог себе позволить, и жена продолжала болеть много лет и была мне в обузу. К счастью, когда я, уже отчаявшись, собирался нанять служанку, мне попалось на глаза объяснение о чудесных укрепляющих организм свойствах вашего «Стимулятора». Один флакон «Стимулятора» принес облегчение и ей, и мне. Всю хворь как рукой сняло, и жена перестала быть для меня обузой. Мы строго придерживались вашей инструкции, и она умерла ровно через неделю после первого приема лекарства.

Это не совсем то облегчение, которого я ожидал, и будь я придирчив и упрям, как некоторые другие, я мог бы доставить вам неприятности. Но, в общем, не стоит поднимать из-за этого шум: с таким здоровьем она бы долго не протянула. Гроб для нее обошелся в двадцать шиллингов; оплатите мне эти расходы, и будем квиты...»

Другое письмо гласит: «Некоторое время тому назад мой сын пережил нервное потрясение. Сказать по правде, я выдрал его, чтобы не обжирался сырыми яйцами. Несколько дней парень вел себя как-то странно — все норовил ускользнуть с виноватым видом, когда встречал меня. Но я не ожидал серьезных последствий, и он уж было оправился, как вдруг моей старухе, то есть его матери, взбрело в голову дать ему ваш «Анодин», который вы расхваливаете как самое лучшее средство от припадков. С первого же глотка у него началась падучая, и с тех пор припадки приключаются по два раза на дню. И старуха моя вся трясется, выдирая каждый раз зубами пробку...»

В следующем письме аптекарь Джон Браун заявляет: «Прошу не считать меня больше агентом по продаже вашего лекарства от чахотки. Меня уже прозвали «Ангелом Смерти», и совесть не дает мне покоя, что я продаю ваше лекарство. С тех пор, как я взялся его

продавать пять лет назад, смертность от чахотки в моем районе увеличилась на 75 процентов. Это вывод очевиден и неоспорим, ибо как только я получаю новую партию вашего лекарства, владелец мраморной мастерской сразу запасаает побольше мрамора для памятников и нанимает вдвое больше рабочих. Он говорит, что будет сам с радостью продавать ваше лекарство, не требуя даже комиссионных...»

Далее Дж. Говард, начальник военно-морского госпиталя, пишет: «Из 400 больных у меня в госпитале 300 скончались от дизентерии в течение 12 часов после того, как приняли ваши противодизентерийные вяжущие пилюли. Лучшей проверки точности их действия нельзя и пожелать. Из газет я знаю, что пруссаки, оккупировавшие Париж, страдают тем же недугом. Будь я генералом Трошю, я не пытался бы изгнать их путем бесполезных атак. Я попросил бы вас обеспечить пруссаков вашими противодизентерийными пилюлями, которые по смертности превосходят все когда-либо изобретенные средства ведения войн. Какой отличный способ истребить их под видом проявления гуманности! К тому же это убедило бы нескольких скептиков в том, что аптекарская ступа — непревзойденное орудие уничтожения».

КОГДА СОМНЕВАЕШЬСЯ, ГОВОРИ ПРАВДУ! (речь на банкете)

Господин председатель, мистер Пурцел и господа члены Общества дружбы! Я автор афоризма «Когда сомневаешься, говори правду!», но я никогда не предполагал, что этот афоризм будет применен ко мне. Ибо, если я сам в чем-то сомневаюсь, я обычно проявляю большее благоразумие.

Такой повод, как сегодняшний, обязывает говорить юбиляру исключительно только приятное, посему я не позволю себе никаких критических выпадов, а скажу лишь комплименты. Очень тонкие нити связывают меня с мистером Пурцелом, который является начальником налогового управления, и мне незачем портить наши отношения какими-то опрометчивыми высказываниями.

Но ох, эти налоги! Целый вечер только о них и слышу. Переменили бы вы наконец тему, господа, у меня она всегда вызывает болезненные ощущения. Недавно я в первый раз, с тех пор как переселился в Нью-Йорк, посетил управление по сбору налогов и увидел там нашего юбиляра, восседающего «на месте, где совершаются клятвпреступления». И знаете, я узнал его моментально. Я шел туда, понятия не имея, что найду в этом учреждении своего старого знакомого, но как увидел, сразу же вспомнил его. Я имел с ним встречу двадцать пять лет тому назад, и мне тогда уже открылось его необычайное дарование.

И вдруг — он! И где, в таком месте! И я подумал: тогда, при той встрече, я выскочил из его рук, ничего не заплатив... Наоборот, даже сам кое-что прихватил. А ну, если повторить и сейчас такой номер?

В тот день, двадцать пять лет назад, о котором я хочу вам рассказать, я зашел в книжный магазин, и мое внимание привлек один объемистый, пухлый фолиант. Заинтересовавшись, я принялся его листать, а потом спросил у молодого продавца, какая ему цена. Тот ответил: четыре доллара.

— Так. А какую скидку вы даете книгоиздателям? — спросил я.

— Сорок процентов.

— Хорошо. Я издатель.

Он вычел сорок процентов у себя на листочке.

— А писателям какая скидка?

— Сорок процентов.

— Очень хорошо. Запишите, я писатель. Ну, а духовенству?

— Сорок процентов.

Я сообщил ему, что я учусь на священника и нахожусь в городе проездом. Не сбросит ли он двадцать процентов на это? Он сделал новую пометку у себя на листке, причем за все время ни разу не улыбнулся. Я упражнялся на нем в остроумии, но весь мой блеск не вызвал никакой реакции, ни искорки в глазах, ни даже намека на признание. Я был уже близок к отчаянию. Все-таки я рискнул в последний раз.

— А кроме всего прочего, я принадлежу к роду людскому, — сказал я. — По этому поводу не уступите ли еще десять процентов?

Он опять что-то записал, нисколько не меняя каменного выражения лица. Тут уж я решил: сдаюсь! — и сказал:

— Вот вам моя визитная карточка, здесь мой адрес. У меня нет сейчас при себе денег. Будьте любезны, пришлите мне счет за книгу в Гартфорд. — И, взяв полюбившийся мне том, я двинулся к выходу.

— Минуточку! — остановил он меня. — Вам причитается с нас сорок центов.

И вот представляете, на днях я узнаю, что этот самый человек стал теперь начальником налогового управления! Авось, удастся и на этот раз словчить, подумал я. И я поднял руку и сделал клятвенное заявление о своих доходах, испытав при этом, не скрою, неловкое чувство. Ведь я к такому не был приучен. У нас в Миссури, где я родился и вырос, подобные дела не приняты, во всяком случае, в мое время не были приняты. Под конец мы этот вопрос уладили, и кое-что им все-таки удалось с меня содрать. Хотя после выяснилось, что я мог бы не платить.

Зато сам мистер Пурцел меня тронул. Тронул до глубины души, потому что он прослезился. Да, прослезился надо мной, поняв, что я, совсем еще недавно слывший добродетельным, порядочным человеком, успел за столь короткий срок настолько приобщиться к нью-

йоркской жизни и так быстро перенять нью-йоркские нравы, что по прошествии года у меня оказалось не больше совести, чем у миллионера.

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

Многие джентльмены, мои достойные коллеги, чьи благие намерения заработать на жизнь честным путем не увенчались успехом, были вынуждены из-за финансовых затруднений подавить легкие угрызения совести и заняться другим, я бы даже сказал, важным делом, в котором труд окупается сторицей. «Добродетель сама себе награда» — так-то так, но в наших краях добродетелью семью не прокормишь, и когда сей печальный факт познается на опыте, волей-неволей начинаешь искать, где заработать побольше.

С тех самых пор, как было заведено, что человек должен добывать свой хлеб в поте лица своего, он упорно изыскивал способы добывать его в поте лица других людей; и одним из таких хитроумных изобретений явилось страхование жизни. Страховому агенту обычно удается съесть изрядную толику хлеба в поте лица застрахованных; именно твердая уверенность в этом побудила джентльменов, упомянутых мною выше, организовать «Компанию по страхованию жизни на взаимовыгодных началах», где все строится по принципу взаимной выгоды директоров, одним из которых состою я сам.

Страховки нередко связывают клиента по рукам и ногам таким количеством немых условий, что жизнь становится бедняге не в радость: того и гляди, лишишься страхового полиса. Стоит этому несчастному перечитать все параграфы такого документа, как его начинают терзать сомнения, не нарушает ли он чего, и он уж не смеет нечаянно чихнуть или искупаться в месте поглубже, чем таз для умывания. Ночами он лежит не смыкая глаз, дабы не согрешить каким-нибудь образом во сне, и, вконец измотанный постоянной бессонницей и тревожениями, встречает свой смертный час в мучительных раздумьях, признают ли впоследствии его страховку действительной.

Что касается нас, то мы не собираемся ставить перед нашими жертвами так много стеснительных условий. Мы не требуем от клиента постоянного места жительства: пока он где-нибудь живет, его страховка остается в силе. Мы не возражаем против путешествий, кроме путешествий в неизведанные края, откуда никто не возвращается. Если кто-нибудь из наших клиентов и отправляется туда, откуда нет возврата, он действует на свой собственный страх и риск.

Мы наняли в качестве статистика одного джентльмена, который посвятил всю жизнь погоне за удачей, играл и в карты, и в кости, и в другие математические игры. Его знакомство с теорией вероятно-

сти позволяет нам подсчитать с предельной точностью шансы каждого клиента, не говоря уже о том, что он внес ряд рекомендаций, совершенно новых в деле страхования жизни. К числу самых надежных клиентов, которых наша фирма готова страховать себе в убыток, мы относим людей долговечных, живущих в отдалении от врачей; за ними следуют убийцы из Нью-Йорка, гуляющие на свободе; всевозможные хронические больные, которые переживают здоровых, особенно сварливые и постоянно жалующиеся на свою судьбу, эти закоренелые упрямцы, что норовят обмануть природу, насколько возможно; и, наконец, разбросанное по стране племя никчемных бродяг, цепляющихся за жизнь с упорством репейника.

Мы вынуждены заносить двухголовых младенцев, а также каждую тройню в разряд «крайне ненадежных» клиентов, ибо все они проявляют одинаковую решимость покинуть земную юдоль, и поэтому мы страхуем эти бранные существа с опаской, а текст особых оговорок в страховом полисе сообщаем наследникам лишь после их кончины.

Наша политика страхования не уступает в гибкости финансовой политике конгресса, и было бы досадно услышать, что она, по мнению общественности, столь же неудовлетворительна. Мы безмерно горды одним из видов страховки, подсказанным Ветхим Заветом, по которому наш клиент получает пожизненную ренту. Обратитесь к цифровым данным, и вы узнаете, что долголетие застрахованных не идет ни в какое сравнение с продолжительностью жизни обычных людей. Наш статистик утверждает: все выдающиеся деятели до всемирного потопа были застрахованы! Только пожизненная рента, подобная нашей, побуждала их продлить наперекор природе свое земное существование до 700 и 800 лет. Наши клиенты могут воспользоваться своей привилегией и прожить не меньше любого патриарха! Будьте уверены: пока вы живы, ваша страховка действительна! Нами учреждена и премиальная система: каждый клиент, достигший 110 лет, получает право бесплатно заказать у модного портного ярко-красный галстук, шикарный клетчатый костюм, а также получить по флакону краски для волос и одеколону, что позволит ему спокойно дожить свой век украшением общества...

Обычно страховые компании любят совать нос в чужие дела и требуют от будущих клиентов ответы на самые щекотливые вопросы. Мы с презрением относимся к столь низменному любопытству, к заглядыванию в замочные скважины. Только из вежливости и желания поближе познакомиться с клиентом мы задаем кое-какие вопросы. Как ваше здоровье? Как идут у вас дела? Располагаете ли вы средствами, чтобы давать деньги в займы? Есть ли у вас мозоли? Волдыри? Проявляете ли вы склонность к самоубийству? Как насчет других легкомысленных привычек? Любите ли вы рыбий жир? Вводите ли в свой рацион каломель? Часто ли бродите по ночам? Как поживают ваши родственники? Были ли ваши предки бедными, но

честными? Не является ли смерть через повешение наследственной в вашей семье? Умирал ли кто-нибудь из вашей родни от размягчения мозга? Не наблюдается ли у вас самих мягкость в этой области? Что вы предпринимаете в случае, если заболите: выздоравливаете или посылаете за врачом? Ваши взгляды по поводу женского равноправия? По поводу освобождения Кубы от власти Испании? Умирал ли кто-нибудь из ваших знакомых от чахотки? Часто ли вы моете ноги? (На первый взгляд этот вопрос может показаться неуместным, но мы знаем несколько таких случаев, когда людям переваливало за сто, и свой зрелый, вернее, перезрелый возраст они объясняли воздержанием от воды и мыла.) Состоите ли вы в браке? Если нет, то не собираетесь ли сочетаться таковым? Сколько лет вы состояли в первом браке? На ком были женаты? Есть ли дети? Все ли они ваши? Сильно ли они похожи на вас? Были ли близки между собой ваши родители? Укажите, где и когда.

Приятная беседа в таком духе скромность, равно как и такт, удерживающий нас от проявления пустого любопытства, когда речь идет о самом клиенте или о его семье,— все это позволяет нам надеяться, что клиентура нашей страховой компании будет неизменно расти.

СОВЕТ РОДИТЕЛЯМ

Что может пагубнее сказаться на дисциплине, чем потворство родителей, когда дети им перечат? Если вы случайно допустили ошибку или преувеличение в их присутствии, не позволяйте детям поправлять вас. Правы вы или неправы, все равно упорно отстаивайте собственную непогрешимость и подавляйте силой, если требуется, любые признаки раннего скептицизма. Как только вы позволите детям усомниться в вашей безупречной мудрости, вы потеряете их уважение и разовьете в них зазнайство. Я отчетливо помню, как мой отец, один из самых суровых и последовательных поборников дисциплины, покарал меня за излишнее самомнение: я вознамерился поправить его, когда он, что-то подсчитывая, небрежно заявил, что двенадцать пять будет шестьдесят два с половиной.

— Ишь ты,— сказал он, мрачно глядя на меня поверх очков,— воображаешь, будто больше отца понимать стал? А ну-ка, поди сюда!

Приглашение звучало так настойчиво, что отклонить его было просто невозможно, и в течение нескольких мучительных минут я лежал в самой что ни на есть унижительной позе поперек его левого колена, и его левая рука плотно обхватывала мою шею. Я не видел, как он демонстрировал другой рукой точность своих математических познаний на самой большой заплате моих штанов, но я чувствовал, что старик прав, и, когда он, лишив меня всякой веры в таблицу умноже-

ния, спросил, сколько будет двенадцатью пять, я подтвердил со слезами на глазах: шестьдесят два с половиной.

— То-то же, я научу тебя почитать отца,— сказал он,— двенадцать раз в день пороть буду, а научу! А теперь пойдя напои лошадей да поживее двигайся!

Старик требовал должного к себе уважения, и я продолжал испытывать перед ним благоговейный трепет до тех пор, пока его не скрючило ревматизмом, и это позволило мне убедиться, что он навсегда утратил свою силу.

Если вы приказали своему ребенку сделать что-то, а он вас спрашивает: «Зачем?» — рекомендуется мягко, но решительно дать ему затрещину, чтобы он понял — зачем. Так он скорее научится срываться с готовностью с места по первому зову.

Любознательность — одна из самых несносных черт детского характера. Если вы настолько неосмотрительны, что пытаетесь удовлетворить ненасытное любопытство ваших чад, приготовьтесь отказываться от родительской власти, так как детки будут загонять вас в тупик своими вопросами по десять раз в день и через неделю окончательно разуверятся в вашей мудрости. Обычный ребенок имеет всегда неисчерпанный запас вопросов, и на какое почтение может рассчитывать родитель, если его уличают как невежду в двух случаях из трех? Вот почему имеет смысл время от времени отвечать на какой-нибудь пустяковый вопрос, дабы создать впечатление, что вы всегда это можете, если захотите. Когда же ваш ребенок пристанет с чем-нибудь потрудней, ответьте просто: «А тебе что до этого?» Или отшейте одним словом: «Заткнись!» Таким образом вы воспитаете в ваших детях сознательность и, главное, выдержку, которая избавит их от искушения раскроить вам череп, чтобы поглядеть, какая там скрывается мудрость и почему столь обширные познания должны таиться от других.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АППЕТИТА

Название этого заведения Хохбергхаус. Оно в Богемии, всего лишь в нескольких часах езды от Вены, и поскольку находится в Австрийской империи, это, разумеется, курорт. Австрийская империя сплошь состоит из курортов и одаривает здоровьем весь мир. Все источники там целебные. Воду разливают в бутылки и рассылают по всему миру; местные жители пьют пиво. Это явное самопожертвование, но чужестранцы, знающие вкус венского пива, придерживаются другого мнения. Особенно хорошо пильзенское, которое подают в маленьком погребе на задворках Первого Округа. Название вылетело у меня из головы, но это место легко отыскать. Вы спрашиваете, как пройти к православной церкви, находите ее и проходите мимо,

в домишке по соседству и расположен погребок. Там не слышно городского шума, там всегда воскресенье. В погребке всего две комнатки под низкими, тяжелыми сводами. И потолки и своды побелены, иначе помещение вполне сошло бы за темницу. Обстановка в погребке простая и дешевая, без всяких украшений, и тем не менее это рай земной для приносящих себя в жертву, потому что пиво там подают превосходное — в целом мире нет ничего подобного. В первой комнатке всегда сидит человек двенадцать — пятнадцать мужчин и женщин, во второй — с десяток генералов и послов.

Можно прожить в Вене много месяцев и ни разу не услышать об этом погребке, но раз побывав там, неизбежно становишься завсегда-таем. Я помянул погребок просто к случаю, отдавая мимоходом дань благодарности за испытанное блаженство, ибо погребок не имеет ничего общего с темой рассказа. Эта тема — курорты.

Все люди со слабым здоровьем должны избрать Вену постоянным местом жительства и, используя ее как базу, совершать по мере надобности перелеты на местные курорты. В Мариенбад — избавиться от лишнего веса, в Карлсбад — избавиться от ревматизма, в Кальтенлойтгебен — избавиться от остальных болезней. Все курорты рядом. Заложив бискуит в двенадцатидюймовую пушку, можно из Вены забросить его в Кальтенлойтгебен. Можно сбегать туда в любое время дня, можно съездить туда на феноменально медленном поезде. Не пройдет и часа, как зной и духота города сменят лесистые холмы, тенистые лесные тропинки, мягкая прохлада и птичьи трели, тишина и спокойствие рая.

К вашим услугам и множество других курортов, куда легко добраться из Вены, — чудесные места. Вена находится в центре прекрасного мира гор, с озерами и лесами меж ними, ни один другой город не может похвастаться столь удачным расположением. Как я уже сказал, вокруг масса курортов. Один из них — Хохбергхаус. Он одиноко стоит на высоком холме в густом лесу. Внушительных размеров здание называется Appetit Anstalt. Люди, потерявшие аппетит, съезжают сюда его восстанавливать. По прибытии меня принял в своем кабинете профессор Хаймберггер. Он спросил:

- Сейчас шесть часов вечера. Когда вы ели в последний раз?
- В полдень.
- Что вы ели?
- Можно смело сказать — ничего.
- А что вам было предложено?
- Обычные блюда.
- Отбивные котлеты, куры, овощи и прочее?
- Да, но прошу вас, не говорите о пище, меня тошнит при одном упоминании о ней.
- Надоело привычное меню?
- До смерти. Мечтаю даже не слышать о нем.

- Вам неприятен вид пищи?
- Более того — меня тошнит от нее.

Доктор задумался, потом достал длинное меню и пробежал его глазами.

- Я полагаю, вам следует питаться... впрочем, выбирайте сами.

Я глянул в меню, и мой желудок взбунтовался. Из всех варварских трапез это была самая отвратительная. В начале меню стояло: «Требуха жесткая, недоваренная, с душиком, шпигованная чесноком». Где-то посередине: «Отбивная из молодой кошатины; рубленый шницель из старой кошатины; ростбиф с кровью из кошатины». В конце меню: «Матросские башмаки всмятку с колесной мазью». Между этими блюдами значилось много других, способных вызвать тошноту и у каннибала.

— Доктор, — заявил я, — в таком серьезном случае, как мой, шутки неуместны. Я прибыл к вам восстанавливать аппетит, а не терять его жалкие остатки.

— А я и не шучу, — ответил он невозмутимо, — чего ради мне шутить?

- Но я не могу питаться этой дрянью.

— Почему? — произнес он с восхитительной наивностью, искренней или наигранной.

— Вы еще спрашиваете — почему? Да потому, что уже несколько месяцев я в рот ничего не беру, кроме омлета и сладкого крема. А эти ваши невообразимые кушанья...

— О, со временем вы их полюбите, — сказал доктор. — Это отличные блюда, и вы ДОЛЖНЫ включить их в свой рацион. Таковы здешние правила, и они соблюдаются неукоснительно. Я не могу позволить вам отойти от правил.

— Ну, что ж, — улыбнулся я, — тогда вам пришлось бы позволить мне отойти в лучший мир. Я уезжаю.

Он взглянул на меня с оскорбленным видом и сказал следующее, придав делу совсем другой оборот:

— Я уверен, что вы не допустите подобной несправедливости по отношению ко мне. Я принял вас с открытой душой, вы не обманете моего доверия. Я зарабатываю на жизнь этим курсом восстановления аппетита. Если вы уедете отсюда с таким же плохим аппетитом, это станет известно, и — сами понимаете — пойдут разговоры, что вам мой курс не помог, а следовательно, может не помочь и другим. Вы не уедете, вы не причините мне вреда.

Извинившись, я заявил, что остаюсь.

— Вот и хорошо. Я был уверен, что вы не уедете. Это обрело бы мою семью на голод.

— А разве они не голодают? Неужели они едят эту дьявольскую стряпню?

— Кто? Моя семья? — Глаза доктора округлились от изумления. — Разумеется, нет.

— Ах, нет! А вы сами?

— Конечно, нет.

— Понимаю. Это тот самый случай, когда врач не принимает лекарств, которые прописывает другим.

— Но мне они не требуются. Кстати, прошло уже шесть часов с тех пор, как вы ели в последний раз. Ужинать будете сейчас или позже?

— Я не голоден, но можно и сейчас. Хочется поскорее разделаться с этим делом, чтоб не висело над душой. Я привык ужинать в шесть часов. Все авторитеты в науке требуют соблюдения режима. Попробую поклевать что-нибудь, хотя предпочел бы легкую порку взамен.

Профессор протянул мне свое диковинное меню.

— Выберите сейчас, но, если хотите, можете поужинать и позже.

— О боже, лучше проводите меня в номер. Я позабыл про ваши строгие правила.

— Не спешите с ответом. Есть еще одно правило. Если вы сделаете заказ сейчас, он будет выполнен немедленно, но если будете тянуть время, вам придется обождать, пока мне заблагорассудится его выполнить. Без моего согласия вы не можете заказать ни одного блюда.

— Хорошо, проводите меня в номер, и пусть повар идет спать: никакой спешки нет.

Профессор поднялся со мной на этаж выше и проводил меня в очень милый и удобный номер — с гостиной, спальней и ванной. Из окна фасада открывался вид на зеленые долины и холмы, поросшие лесом; мирская суета не нарушала величавого покоя уединенных здешних мест. В гостиной было много полок, сплошь уставленных книгами. Профессор сказал, что оставляет меня одного и добавил:

— Можете курить и читать, сколько вам будет угодно, можете пить воду — сколько вздумается. Как проголодаетесь, позвоните и сделайте заказ, а я решу, следует его выполнять или нет. Ваш случай очень запущенный и тяжелый. Пожалуй, первые четырнадцать блюд слишком изысканны, они не принесут вам пользы. Прошу вас проявить сдержанность и не заказывать их.

— Вы призываете меня к сдержанности? Не беспокойтесь. Вы еще сэкономите на мне деньги. Сама идея улучшить аппетит больного человека пожилой для стервятников — чистое безумие.

Я произнес эти слова с горечью: меня бесило то, с каким хладнокровием доктор рассуждал о новых орудиях уничтожения. Он, судя по всему, огорчился, но не обиделся. Положив меню на комод у изголовья кровати, доктор сказал:

— Пусть будет под рукой. С более тяжелым случаем я никогда не сталкивался, здесь потребуются сильные средства, а потому прошу вас проявить сдержанность и начать с пятнадцатого номера.

Доктор ушел, и я разделся. Я смертельно устал и хотел спать. Проспав шестнадцать часов кряду, я проснулся в десять часов утра с ощущением бодрости и прилива сил. Венский кофе! Это было первое, что пришло мне на ум, — недосыгаемая роскошь, великолепный кофе из кофейни, по сравнению с которым все, что подают в гостиницах Европы и Америки, — жалкая бурда. Я позвонил и заказал кофе, а к нему венские булочки, чудо кулинарии. Слуга отворил задвижное окошко в двери и сказал... — вы догадываетесь, что он сказал. Он отослал меня к меню. Я отпустил слугу — за ненадобностью.

Приняв ванну, я оделся и отправился на прогулку — до самой двери. Она была заперта снаружи. Я позвонил. Появившийся слуга объяснил мне, что это еще одно здешнее правило: пациента держат взаперти до первого приема пищи. Я не особенно рвался гулять раньше, но теперь это стало делом принципа. Тот, кого держат под замком, мечтает вырваться на волю. К тому же я обнаружил, что мне нечем заняться. В два часа я прикинул, что минули сутки с тех пор, как я ел в последний раз. Время шло, и я ощутил признаки голода, потом признаки голода, определяемого превосходной степенью прилагательного. И все же я не был так голоден, чтобы обратиться к меню.

Надо было как-то убить время. Я принялся читать и курить. Я читал и курил час за часом. Все книги, как на подбор, были о жертвах кораблекрушения, о пленниках пустыни, о заключенных, томящихся в подземельях, о голодающих в осажденных городах. Я читал о всевозможной пакости, которой голодающие пытались притупить муки голода. Первое время эти описания вызывали у меня тошноту, потом они перестали производить такое отталкивающее действие, и еще через какой-то промежуток времени я поймал себя на том, что облизываюсь при упоминании о более или менее приемлемых адских отбросах. Через сорок пять часов голодания я нетерпеливо дернул звонок и заказал второе блюдо, значившееся в меню, — какие-то клецки — компост из икры и дегтя.

Мне отказали. Все последующие пятнадцать часов я то и дело подбегал к звонку и заказывал блюда в нисходящем порядке. Отказ следовал за отказом. Но каждый раз я изживал в себе один предрасудок за другим. Я делал несомненные успехи, и по мере того, как неуклонно подбирался к заветному пятнадцатому номеру, мое сердце билось все сильнее и сильнее, а надежды воспаряли все выше и выше. И наконец, поголодав шестьдесят часов, я одержал победу над собой и заказал номер пятнадцатый — невылупившегося птенца всмятку.

— Шесть дюжин, погорячей и подушистей! — попросил я.

Через пятнадцать минут слуга принес заказ, его сопровождал доктор, радостно потиравший руки.

— Вы пошли на поправку, вы пошли на поправку, — возбужденно повторял он. — Дорогой сэр, мой великолепный курс никогда меня не

подводит, никогда! К вам вернулся аппетит. Скажите, что это так, доставьте мне удовольствие!

— Тащите сюда свою падаль! Я могу съесть все, что значится в вашем меню!

— О, как это благородно! Просто великолепно! Я знал, что смогу добиться своего. МОЯ система не дает осечки! Ну как птенцы?

— Ничего восхитительнее не пробовал, а ведь я вовсе не любитель дичи! Прощу, не мешайте мне, я не могу говорить с набитым ртом.

— Полное излечение,— констатировал доктор.— Никаких сомнений — опасность миновала. Бросьте птенцов, я доверяю вам, можете переходить на бифштексы!

Принесли бифштекс величиной с корзину, а к нему картофель, венские булочки и кофе, и я приступил к трапезе, которая обошлась мне так дорого.

Я ел, и в подливку капали слезы благодарности — благодарности доктору, вложившему мне в голову чуточку здравого смысла, его-то и недоставало мне долгие, долгие годы.

Тридцать лет тому назад доктор Хаймбергер отправился в длительное морское путешествие. На борту корабля было пятнадцать пассажиров. Режим питания определялся строгим распорядком дня: в семь утра — скверный кофе, в девять — завтрак — та же бурда со сгущенным молоком, отсыревшие булочки и крекеры, соленая рыба; в полдень — ленч — язык, ветчина, солонина, отсыревшие булочки, крекеры; в пять — обед — гороховый суп-пюре, соленая рыба, тушенная солонина с капустой, свинина с бобами, пудинг; с девяти до одиннадцати — ужин — чай со сгущенным молоком, язык, ветчина, соленья, маринованные устрицы, свиные ножки, жареная грудинка.

В конце первой недели пассажиры утратили аппетит и едва прикасались к пище. Они являлись к столу, чтоб как-то убить время. К тому же мудрость предков предписывала им питаться регулярно. Пассажирам надоела грубая однообразная стряпня, она не вызывала у них аппетита. Дни напролет они слонялись по кораблю полуголодные, мучимые коликами в желудке, мрачные, неразговорчивые, несчастные. Трое из них страдали устойчивым расстройством пищеварения. За три недели путешествия от них осталась только тень. Больной, прикованный к постели, питался одной рисовой кашей и не выносил даже вида обычных блюд.

И вдруг — кораблекрушение, жизнь в шлюпках. И без того скудные запасы продовольствия истощались. Аппетит у пассажиров улучшался. Когда остался лишь сырокопченый окорок, да и того по две унции на брата, аппетит у всех стал отменным. На пятнадцатый

день жизни в шлюпках и страдавший несварением желудка, и полный инвалид, и самые хрупкие дамы с упоением жевали вырезку из матросских башмаков и жаловались лишь на то, что порции слишком малы. И это были те самые люди, что в рот не брали корабельной солонины с капустой и другой грубой пищи.

Потерпевших кораблекрушение подобрало английское судно. Через десять дней все пятнадцать пассажиров чувствовали себя не хуже, чем перед кораблекрушением.

— Никто не пострадал из-за этого приключения, — сказал профессор. — Понимаете мою мысль?

— Да.

— Хорошо понимаете?

— Полагаю, вполне.

— Нет, не понимаете. Вы сомневаетесь. Вы не можете постичь всю важность этой мысли. Подчеркиваю: **НИ ОДИН ИЗ НИХ НЕ ПОСТРАДАЛ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.**

— Теперь понимаю, что вы хотите сказать. Это поистине замечательно.

— Ничего подобного. Это естественно. С какой стати они должны были предать?! Пассажиры проходили курс восстановления аппетита, предусмотренный самой природой, лучший и мудрейший курс в мире.

— Там у вас и возникла эта идея?

— Да, именно там.

— Эти люди получили очень ценный урок.

— Почему вы так думаете?

— Как почему? Вы же считаете, что они получили ценный урок.

— Ничего подобного. Я не глупец.

— А они глупцы?

— Они люди.

— А это одно и то же?

— К чему спрашивать? Вы прекрасно знаете, что я имею в виду.

Когда речь идет о здоровье и о том, что с ним связано, средний человек — продукт своей среды и собственных предрассудков, а их назначение — сделать его ослом. Он не может подытожить три-четыре новых обстоятельства и извлечь из них урок. Это выше его понимания. Средний человек лишен наблюдательности. Он довольствуется информацией, полученной из вторых рук. Если бы животные, которых мы ошибочно называем низшими, были так глупы, как человек, они бы исчезли с лица земли за год.

— Следовательно, эта история не послужила уроком для пассажиров?

— Ни малейшим. На английском судне они стали питаться регулярно и снова едва прикасались к еде. Поклевывали без всякого аппетита пищу, вызывавшую у них отвращение, ходили мрачные,

несчастные, полуголодные, а их возмущенные желудки разражались бранью и проклятиями, ныли дни напролет, молили о снисхождении. И напрасно, ибо это были желудки глупцов.

— Ваша идея, как я понимаю, такова...

— Все очень просто: не ешьте, пока не проголодаетесь. Если пища вам не по вкусу, если она вас не удовлетворяет, не приносит радости и утешения, не ешьте, пока не почувствуете СИЛЬНОГО голода. Тогда она вас обрадует и пойдет на пользу.

— И режим питания вовсе не обязателен?

— Пока ведете борьбу с плохим аппетитом — нет, когда аппетит восстановится, режим делу не повредит. Как только аппетит ухудшается, немедленно вносите коррективы — голодание, кратковременное или длительное — в зависимости от потребности.

— Я полагаю, самая лучшая пища, самая полезная...

— Любая пища полезна. Некоторые продукты полезнее других, но в целом любая простая пища приносит пользу людям. Любая пища — изысканная или грубая — хороша на вкус и питательна, если следят за аппетитом и каждый раз, когда он понижается, прибегают к небольшому голоданию. К примеру, Нансен привык к разного рода деликатесам, но когда ему приходилось целыми месяцами есть одно лишь медвежье мясо, он не испытывал никаких недомоганий и неудобств, потому что у него был здоровый аппетит: ведь и медвежьим мясом не обеспечишь себя постоянно.

— Но врачи назначают больным тщательно продуманную сбалансированную диету.

— А что им еще остается делать? Больные с молоком матери впитали в себя предрассудки. Они ни за что не соглашаются голодать: боятся, что помрут от голода.

— Но от голода люди слабеют, разве это не так?

— В этом нет никакого вреда. Вспомните больных, потерпевших кораблекрушение. Пятнадцать дней они получали мизерные кусочки окорока, жевали матросские башмаки — словом, практически голодали. Голод ослабил больных, но не причинил им вреда. Голод привел их в отличную форму, отныне они могли есть с удовольствием и наслаждаться крепким здоровьем. Но они не осознали этой возможности, упустили ее. Они остались больными — и поделом! А вы знаете, к каким фокусам прибегают врачи на курортах? Используют мою систему в завуалированном виде. Виноградолечение, водолечение, грязелечение — все это одно и то же. И виноград, и ванны, и лечебная грязь — полдела, а дело в скрытом голодании.

Пациент привык к четырехразовому питанию, с поздним завтраком и поздним ужином. А что ему приходится делать на курорте? Он встает в шесть утра. Съедает яйцо всмятку. Два часа слоняется по променаду в компании других дураков. Съедает бабочку, выпивает маленькими глотками стакан процеженной сточной воды, вонючей,

как дыхание стервятника. Слоняется по аллеям парка еще два часа, на сей раз один. Обратитесь к нему с вопросом и в ответ услышите:

— У меня избыток воды в организме, я выгоняю из себя воду, пожалуйста, не мешайте!

Бедняга ковыляет дальше. Потом съедает засахаренный листок розы. Часами лежит в тишине и одиночестве в своей комнате. Говорить запрещается, читать запрещается, курить запрещается. Приходит доктор, слушает сердце, щупает пульс пациента, выстукивает его грудь и спину, мнет живот, а потом выясняет результаты с помощью крошечной палочки, похожей на флажок. Доктор назначает пациенту ванну на полградуса (по Реомюру) холоднее, чем вчера. После ванны пациент съедает еще одно яйцо всмятку. Далее — стакан сточной воды в четыре-пять часов дня и тоскливый променад с другими чудаками. Обед ровно в шесть — полпончика и стакан чаю. Полтора месяца на таком режиме — представляете? Пациент спускает жир, приобретает отличную форму. И эффект везде одинаков — в Лондоне, Нью-Йорке, у черта на куличиках.

— А за какое время вы приводите пациента в норму?

— Теоретически это можно сделать за день-два, но реально на это уходит от недели до полутора месяцев, в зависимости от характера и психологического склада пациента.

— Чем вы это объясняете?

— Посмотрите на ту группу женщин — играют в футбол, занимаются боксом, прыгают в высоту, бегают, берут барьеры. Эти пациентки находятся здесь уже шесть-семь недель. Приехали — смотреть на них было жалко: еле-еле душа в теле. Привыкли четыре раза в день поклевать разные деликатесы, а там и вовсе потеряли аппетит. Поговорив с каждой, я запер их по комнатам. Самую хрупкую заставил голодать десять часов, остальных — по двенадцать — пятнадцать. Муки голода были ужасны, они умоляли меня дать им чего-нибудь поесть. Жаловались на тошноту, головные боли и многое другое. Зато как приятно было на них смотреть, когда срок голодания истек! Они припомнить не могли, чтобы в прошлом еда доставляла им такое наслаждение. Я привел их собственные слова. Казалось бы, курс лечения закончен, но нет! Получив возможность питаться, когда захочется, они выбрали привычный четырехразовый режим питания. Через день-два мне пришлось вмешаться: аппетит у пациенток явно ухудшился. Я заставил их отказаться от одной из трапез, и это снова привело их в норму. Потом они возобновили четырехразовое питание. Я умолял их по своей воле отказаться от обеда или ужина, не дожидаясь моего запрета. Еще пару недель тому назад они не могли это сделать: не хватало мужества, но теперь они воспитали в себе это качество, и больше им ничто не угрожает. Они сами могут исключить одну из трапез, когда возникает необходимость.

Мои пациентки в прекрасной форме и могли бы вернуться домой, но они еще не совсем уверены в себе, потому и откладывают отъезд.

— А бывают и другие случаи?

— О, да! Порой пациент постигает всю премудрость за неделю — самостоятельно регулирует свой аппетит и поддерживает его в полном порядке, отказываясь от обеда или ужина без всякого ущерба для себя.

— Но почему надо отказываться от всего обеда или ужина? Почему не отказаться от одного блюда?

— Это плохое, неэффективное средство. Если желудок не взывает к вам самым решительным образом, не кричит, выражаясь фигурально, лучше ему не докучать, пусть хорошенько отдохнет. Встречаются люди, которые едят больше других, но тем не менее на здоровье не жалуются. В общем, и люди разные и аппетит у всех разный. Могут показать вам человека, который приучил себя есть восемь раз в день — без всякого желания, в то время как аппетит его требовал не больше шести трапез в день. Я заставил этого пациента перейти на шестиразовое питание, и теперь он здоров. Какой режим питания у вас?

— Раньше, двадцать два года подряд, я ел полтора раза в день, а последние два года — два с половиной раза — кофе с булочкой в девять, второй завтрак — в час дня, обед — в половине восьмого или в восемь.

— А прежде? Кофе с булочкой в девять, обед вечером, а в промежутке — ничего?

— Именно так.

— Так почему ж вы решили питаться чаще?

— Послушался советов родственников. Они очень переживали за меня. Думали, что я заморю себя голодом до смерти.

— Двадцать два года вы считали, что легкий завтрак и обед вас вполне устраивают?

— Да.

— Значит, ваше нынешнее состояние и объясняется этим дополнительным питанием. Исключите его. Вы пытаетесь есть чаще, чем того требует желудок. Вы ничего не приобретаете, вы только теряете. За день вы съедаете меньше, чем раньше, при старом режиме питания, когда ограничивались легким завтраком и обедом.

— Истинно так, я стал есть намного меньше. В те добрые старые времена мой обед был основательнее.

— Тогда ешьте всего раз в день — вечером, и так несколько дней, пока у вас не установится хороший, надежный аппетит, потом можете добавить легкий завтрак. И не слушайте, что говорят домашние. Если вы больны и знаете, что с вами, особенно при простуде, сутки не ешьте ничего. Болезнь пройдет сама собой. Голод как рукой снимает даже самый неподдающийся лечению насморк. Ни один насморк еще не выдерживал суточного голодания.

— Знаю. На себе испытал, и не раз.

ИСТОРИЯ С ПРИВИДЕНИЕМ

Я снял квартиру в самом центре Бродвея в огромном старом доме. Его верхние этажи пустовали многие годы до того, как я там поселился. Это было царство пыли и паутины, одиночества и молчания. В первый же вечер, поднимаясь по лестнице, я испытал смущение и робость, будто бродил среди могил и нарушал покой мертвых. Впервые в жизни в душу закрался суеверный страх, и когда я свернул в темный угол лестницы и невидимая паутина липкой вуалью приникла к моему лицу, я вздрогнул, будто увидел привидение.

Добравшись до своего жилья, я с облегчением запер дверь на замок и отгородился от могильного мрака. В камине весело пылал огонь, я всем своим существом ощущал блаженство и покой. Прошло часа два; я вспоминал былые времена, передо мной вставали картины минувшего, из тумана прошлого проступали полузабытые лица, звучали голоса, давно смолкнувшие навсегда, любимые песни, которые теперь никто не поет. Мои грезы становились все туманнее и печальнее, и оттого завывание ветра за окном звучало плачем-причитанием, а дождь, яростно барабанивший по стеклу, казалось, постукивал теперь вкрадчиво и уныло. Один за другим стихали звуки улицы, где-то вдалеке замерли шаги последнего прохожего, и наступила полная тишина.

В камине догорал огонь. Меня охватило чувство одиночества. Я встал, разделся, на цыпочках прошелся по комнате, разобрал постель — все крадучись, будто кругом спали враги и разбудить их было смертельно опасно. Укрывшись с головой одеялом, я вслушивался в шум ветра, дождя, тихий скрип чьих-то ставень и, убаюканный этими звуками, заснул. Не знаю, долго ли я спал, но спал крепко. Внезапно я проснулся с каким-то тяжелым предчувствием. Стояла мертвая тишина. Ее нарушал лишь стук моего сердца. Вдруг одеяло медленно поползло вниз, будто кто-то стягивал его к ногам. Я не мог шевельнуться. Я онемел. Одеяло все ускользало, вот уже обнажилась грудь... Вцепившись в него изо всех сил, я натянул его на голову. И снова ждал, слушал и ждал. Рывок. Несколько секунд, длившихся целую вечность, я лежал, оцепенев от ужаса: одеяло ускользало. Собравшись с силами, я дернул его на себя и удерживал что было мочи. Ощувив легкое потягивание, я до боли стиснул пальцы. Но одеяло тянули все сильнее и сильнее, и я не мог его удержать. В третий раз оно оказалось у ног. Я застонал. Послышался ответный стон. Пот каплями выступил у меня на лбу. Скорее мертвый, чем живой, я услышал тяжелые шаги — не человечью поступь, а скорее топот слона. К моему великому облегчению, шаги удалялись. Кто-то приблизился к двери, вышел, не открывая замка и засова, и побрел мрачными коридорами. Заскрипели полы и балки, потом снова воцарилась тишина.

Когда волнение слегка улеглось, я сказал себе: это кошмар, просто ночной кошмар — и размышлял о происшествии, пока не убедил себя, что это и впрямь ночной кошмар. Успокоенный, я рассмеялся и заново ощутил радость жизни. Поднявшись, зажег газовую лампу, убедился, что замки и засовы нетронуты. На душе у меня стало веселей, губы задрожали от смеха. Я запалил трубку и сел возле камина. Вдруг кровь ударила мне в лицо, дыхание сперло и трубка выпала из похолодевших рук. В золе у камина рядом с отпечатком моей босой ноги появился другой — такой огромный, что мой собственный походил на след ребенка! Значит, кто-то здесь БЫЛ и слоновий топот мне не померещился.

Я погасил огонь и лег в постель, парализованный страхом. Нескончаемо тянулись минуты, я лежал, вслушиваясь в темноту. Раздался скрипучий звук, будто волокнистое тело, грохот, будто потом его швырнули на пол, и стекла в оконных рамах задрожали. Со всех сторон захлопали двери, послышались осторожные шаги. Бродили по коридорам, вверх и вниз по лестницам. Порой тихо подходили к моей двери и, поколебавшись, удалялись. Временами до меня доносился кандалный звон. Я прислушался: лязг кандалов звучал все явственней. Кто-то медленно поднимался по лестнице, и звон цепей сопровождал каждое его движение, кандалы гремели в такт каждому шагу. Я улавливал приглушенные разговоры, полужадушенные крики, шелест невидимой одежды, шорох невидимых крыл. Мое жилище подверглось нашествию, мое одиночество было нарушено.

Возле кровати слышались вздохи, приглушенный шепот. На потолке прямо у меня над головой заалели три пятна. Какое-то мгновение они излучали мягкий свет, потом упали мне на лицо и на подушку, превратившись в тепловатую жидкость. Даже в темноте я догадался, что это кровь. Передо мной возникли бледные, неясные, как сквозь туман, лица: бескровные руки, воздетые к небу, проплыли в воздухе и тут же исчезли. Вдруг все стихло — и шепот, и голоса, и неясные звуки; наступила гробовая тишина.

Я ждал, весь обратившись в слух. Чувствовал, что умру, если тотчас же не запыхает огонь в камине. Скованный страхом, я медленно приподнялся, и чья-то холодная, влажная на ощупь рука коснулась моего лица. Силы покинули меня, и я упал как подкошенный. Послышалось шуршание одежды, кто-то подошел к двери и, не открывая ее, вышел наружу. Снова воцарилось безмолвие. Еле живой, я с трудом сполз с постели и трясущимися, как у столетнего старца, руками зажег свет. Он принес некоторое облегчение. Сидя у камина, я погрузился в созерцание отпечатка огромной босой ноги. Постепенно ее очертания стали расплываться перед глазами. Газовый свет тускнел. Я снова услышал слоновий топот. Шаги приближались, они звучали все отчетливей и тверже в мрачном коридоре. Свет лампы ста-

новился все слабее и слабее. Тяжелые шаги стихли у самой двери. Синеватый чахоточный огонек замерцал, и вся комната погрузилась в сумеречную полутьму. Дверь оставалась закрытой, но вдруг легкое дуновение ветра коснулось моей щеки, и я ощутил прямо перед собой что-то огромное, колышущееся и туманное. Я не мог оторвать глаз от живого облака. Излучая бледный свет, оно постепенно приобретало определенные очертания. Появились руки, ноги, тело, и наконец я увидел сквозь дымку огромное печальное лицо. Сбросив туманные покровы, передо мной предстал обнаженный мускулистый красавец — великолепный Кардиффский великан.

Все мои страхи тут же улетучились: даже ребенок знает, что добрые великаны не причиняют зла. Я снова взыграл духом, и в полном согласии с моим настроением засветилась газовая лампа. Ни один изгой не радовался так обществу, как я, увидев перед собой добродушного великана.

— Так это ты? — вскричал я. — Знаешь, за последние два часа я чуть не помер со страху. Какая радость, какая радость, что ты пришел! Эх, если бы у меня был стул... Пстой, не садись!

Увы, я спохватился слишком поздно. Он сел и тут же свалился на пол. Никогда не видел, чтоб стул вот так, в один миг разлетелся вдребезги.

— Погоди, сломаешь всю...

Опять опоздал! Послышался треск, и еще один стул распался на первоначальные элементы.

— Черт тебя подери! Ты соображаешь, что делаешь? Всю мебель хочешь переломать? Иди сюда, дурак окаменелый!

Все напрасно. Не успел я и слова молвить, как великан уселся на кровать и от нее остались жалкие обломки.

— Слушай, как прикажешь это понимать? — возмутился я. — Сначала вламываешься в мою квартиру, тащишь за собой целый полк нечистой силы, бродяг и бездельников, чтобы запугать меня до смерти, потом являешься сам в неприличном виде! В цивилизованном обществе такое дозволяется только в уважаемых театрах, да и то нагишом там разгуливают лица другого пола. А теперь вместо возмещения морального ущерба ты ломаешь мебель? Зачем ты это делаешь? Вред не только мне, но и тебе. Гляди — отбил себе крестец, весь пол завален осколками твоего окаменелого зада, будто это не квартира, а мраморная мастерская! Стыдись, ты не малое дитя, пора соображать, что к чему.

— Ладно, больше не буду. Войди в мое положение — я не сидел больше столетия, — виновато пробурчал великан.

— Бедняга, — смягчился я, — пожалуй, я обошелся с тобой слишком сурово. Ведь ты, наверное, сирота? Садись на пол. С твоим весом только на полу и сидеть. И если ты все время нависаешь надо мной, какая тут беседа? Садись на пол, а я залезу на высокий конторский стул, вот мы и поболтаем с глазу на глаз.

Великан накинуд на плечи красное одеяло, надвинул на голову, словно каску, перевернутый таз и, закутив мою трубку, расположился на полу в непринужденной живописной позе. Я развел огонь в камине, и великан придвинул к живительному теплу пористые ступни огромных ног.

— Что у тебя с ногами? Отчего они потрескались? — спросил я.

— Да это все чертовы ознобыши, — отвечал великан. — Когда я, окаменеv, лежал под фермой Ньюэлла, ознобыши пошли по всему телу — от пяток до затылка. Но я все равно люблю эту ферму, она для меня словно отчий дом. Нигде не чувствую такого покоя.

Мы поболтали еще с полчаса, я заметил, что у моего гостя усталый вид, и сказал ему об этом.

— Усталый? — переспросил он. — Да, пожалуй. Ты был добр ко мне, и я расскажу тебе все без утайки. Я дух Окаменелого человека, что лежит в музее напротив твоего дома. Я привидение Кардиффского великана. Мне не будет мира и покоя до тех пор, пока мое бедное тело не предадут земле. А как проще всего заставить людей выполнить мою волю? Я решил: застращаю их привидением, появляющимся возле тела. И вот ночь за ночью я брожу по музею. Призвал на помощь других призраков. Только старался я понапрасну: кто же ходит по музеям ночью! Тогда мне пришла в голову другая мысль — запугать людей в доме напротив музея. Из этой затеи, думаю, выйдет толк, если меня выслушают со вниманием, к тому же со мной были самые страшные призраки из осужденных на вечное проклятие. Ночи напролет мы дрогли в этих пахнущих плесенью коридорах, волочили за собой цепи, стонали, зловеще перешептывались, топали вверх и вниз по лестницам, и, сказать по правде, я выбился из сил. Но сегодня, увидев огонек в твоём окне, я воспрянул духом и взялся за дело с жаром, как в былые времена. Дошел до полного изнеможения. Умоляю, подари мне хоть призрачную надежду!

Я сорвался с места как ошпаренный и закричал:

— Ну и дал ты маху! Бедный окаменелый чудак, все твои труды пропали даром! Ты слонялся возле гипсовой КОПИИ. Подлинный Кардиффский великан в Олбани! Что же ты, черт побори, собственные останки от подделки отличить не можешь?

Я никогда не читал на чьем-либо лице такого откровенного желания провалиться сквозь землю от стыда и унижения. Окаменелый человек медленно поднялся с пола и спросил:

— Скажи честно, это правда?

¹ Подлинный факт. Первоначальная фальшивка была искусно воспроизведена другими мошенниками. «Единственный подлинный Кардиффский великан» демонстрировался в Нью-Йорке (к неопиcуемому возмущению владельцев другого «подлинного» великана), а в то же время толпы людей сходились посмотреть на него в музее города Олбани (прим. автора).

— Как то, что я здесь.

Великан вынул изо рта трубку и положил ее на каминную доску. С минуту постоял в нерешительности, задумчиво склонив голову на грудь, бессознательно, по старой привычке заложив руки в карманы несуществующих брюк, и наконец произнес:

— Да, никогда раньше я не попадал в такое дурацкое положение. Окаменелый человек сам надувал кого угодно, а теперь он, подлый мошенник, предал свой собственный призрак. Сын мой, если в твоём сердце осталась хоть капля жалости к бедному, одинокому привидению, никому не рассказывай об этом случае. Подумай, каково мне чувствовать себя ослом?

Я слышал его величавую поступь шаг за шагом, пока он не спустился по лестнице и не вышел на пустынную улицу. Я жалел, что он ушел, бедняга, но еще больше, что он унес мое красное одеяло и таз для умывания.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

ЗНАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ — ПЕРВООСНОВА УМЕЛОГО УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ. МУДРЕЙШИЕ ЛЮДИ ВСЕХ ВРЕМЕН ПОСВЯЩАЛИ...

Тут мою мысль прервали сообщением, что какой-то субъект ждёт меня внизу у двери. Я спустился и спросил, по какому он делу, пытаюсь держать в узде свои сногшибательные идеи по политической экономии, чтоб они, ударившись в бегство, не запутались в упряжи. В душе я желал, чтоб мой гость лежал сейчас где-нибудь на дне морском под затонувшей баржей. Я горел, как в лихорадке, он был холоден и невозмутим. Извинившись за беспокойство, мой посетитель сообщил, что, проходя мимо дома, заметил — на крыше нет громоотводов.

— Ну и что? — спросил я.

— Ничего особенного, — отвечал он, — ничего особенного, но если вы не возражаете, я могу их установить.

Я новичок в хозяйственных делах — всю жизнь скитался по гостиницам да пансионатам. Как всякий новичок, я изображаю из себя умудренного опытом домовладельца перед незнакомыми, а потому сказал, как бы между прочим, что и сам давно собирался установить штук восемь громоотводов, но... Незнакомец вздрогнул и внимательно посмотрел мне в глаза. Я сохранял олимпийское спокойствие, решив про себя, что на оплошности меня по выражению лица не поймает. Посетитель рассыпался в любезностях — такой-де заказчик ему милей любого другого в городе.

— Договорились, — бросил я и направился к себе, намереваясь целиком отдаться любимому предмету, но посетитель прилип ко мне с вопросами: сколько «точек» надо установить? где именно? какие

стержни предпочтительней? Такими вопросами загонишь в тупик любого, кто незнаком с тонкостями домоводства, но я отвечал с таким апломбом, что он и не заподозрил во мне новоиспеченного хозяина. Я распорядился установить восемь точек, установить их на крыше и использовать стержни самого высокого качества. Специалист по молниям сообщил, что бывают простые стержни по двадцать центов за фут, с медным покрытием — по двадцать пять центов за фут и, наконец, оцинкованная спираль — по тридцать центов за фут. Вот она отведет любую молнию, куда бы та ни метила, и сделает ее миссию «безвредной и апокрифической».

— Неплохо сказано — «апокрифической», — заметил я, — особенно если вспомнить, из какого гнезда вылетело это словечко. Впрочем, оставим филологию в покое, я предпочитаю оцинкованную спираль.

Тогда он сообщил, что двухсот пятидесяти футов спираль, пожалуй, хватит, но уж делать так делать — у меня будут лучшие громоотводы в городе на зависть и восхищение друзьям и недругам; пусть они все как один признают, что отродясь не видели такой «симметричной и гипотетической» выставки громоотводов. На это уйдет четыреста футов, причем, он не настаивает на своем и постарается обойтись меньшим количеством.

— Не стесняйтесь в расходах, — подбодрил его я, — пускайте в ход все четыреста, полагайтесь только на свой вкус, а я, с вашего разрешения, вернусь к работе.

Итак, избавившись наконец от назойливого посетителя и направив ход мыслей в общее русло, я продолжал:

...ПОСВЯЩАЛИ ЭТОМУ ПРЕДМЕТУ ВСЕ ВЕЛИЧИЕ СВОЕГО ГЕНИЯ, ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ, ПОЗНАНИЯ. СВЕТОЧИ КОММЕРЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ, МЕЖДУНАРОДНОГО БРАТСТВА, ПРЕДСТАВИТЕЛИ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМЫ ВСЕХ ВРЕМЕН, ЦИВИЛИЗАЦИИ И НАРОДОВ — ОТ ЗОРОАСТРА ДО ГОРАЦИЯ ГРИЛИ...

Здесь меня снова прервали и попросили спуститься вниз для переговоров со специалистом по молниям.

Я побежал к двери, обуреваемый грандиозными идеями, они на ходу облекались в грандиозные слова — что ни слово, то целая процессия слогов, застревающая во рту минут на пятнадцать, не меньше. И снова я, раскаленный до бешенства, предстал перед ним — спокойным и невозмутимо-вежливым. Мастер стоял в задумчивой позе Колосса Родосского¹, уперши руки в бока, одна нога на молодом кусте туберозы, другая — на клумбе с маргаритками; прищурился одним глазом, он восхищенно разглядывал другим самую большую трубу на крыше моего дома.

¹ Колоссальная скульптура бога Солнца Гелиоса была символом могущества богатства и свободы острова Родос (прим. автора).

— Дела складываются так удачно,— заметил он,— что можно только радоваться жизни, и добавил:

— Я вас спрашиваю, видели вы что-нибудь более ахинеино-экспрессивное, чем восемь громоотводов на одной трубе?

Нет, признался я, в моей памяти не сохранилось ничего, способного затмить это зрелище. По мнению мастера, только Ниагара превосходила его задумку красотой природного ландшафта. Он искренне полагал, что мой дом станет бальзамом для скорбного взора, стоит лишь придать некоторую завершенность остальным трубам...

Я пожелал узнать, по какой книге он обучался красноречию и нельзя ли одолжить ее на время. Он отвечал с любезной улыбкой, что такой слог из книг не позаимствуешь и лишь близкое знакомство с молниями позволяет, используя подобные обороты речи, выйти сухим из воды.

Тем временем мастер произвел окончательный расчет. Выходило, что штук восемь дополнительных громоотводов в разных местах на крыше дома обеспечат его полную безопасность; на это уйдет еще пятьсот футов материала. Кстати, и на первые восемь расход спирали больше футов на сто — он ошибся при первой прикидке.

— Я очень тороплюсь,— нетерпеливо вставил я,— нельзя ли поскорей закончить расчеты? Меня ждет работа.

— Я МОГ БЫ установить только восемь громоотводов и спокойно удалиться по своим делам,— молвил он в ответ,— некоторые так и поступили бы. Но я сказал себе: хоть он и чужой мне, этот человек, я скорей умру, чем причиню ему зло. Его дом не защищен от молний, и не сойти мне с этого места, если я не поступлю с этим человеком так же, как хотел бы, чтобы поступили со мной. Я сказал правду. А теперь, незнакомец, я исполнил свой долг, и если дефлогистонная посланница небес ударит...

— Ну полно, полно,— взмолился я.— Поставьте еще восемь точек, добавьте еще пятьсот футов спирали, делайте все, что душе угодно, только успокойтесь, не томитесь и выражайте свои мысли яснее, чтоб хоть со словарем можно было понять! А теперь, когда мы, надеюсь, договорились, я снова берусь за дело.

Я присидел не меньше часа, пытаюсь поймать ход мысли в тот момент, когда меня прервали в последний раз. Наконец мне это удалось, и я продолжал свои изыскания:

...БИЛИСЬ НАД ПРОБЛЕМАМИ ВЕЛИКОЙ НАУКИ, НАХОДЯ В НЕИ ДОСТОЙНОГО СОПЕРНИКА, ЧТО ПОСЛЕ КАЖДОГО УДАРА ПОДНИМАЕТСЯ С УЛЫБКОЙ, ПОЛНЫЙ СИЛ. ВЕЛИКИЙ КОНФУЦИЙ ЗАЯВЛЯЛ, ЧТО СКОРЕЕ СТАЛ БЫ ХОРОШИМ СПЕЦИАЛИСТОМ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ, ЧЕМ ШЕФОМ ПОЛИЦИИ. ЦИЦЕРОН ПОЛАГАЛ, ЧТО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ — ВЕЛИЧАЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО УМА, И ДАЖЕ НАШ СООТЕЧЕСТВЕННИК

ГРИЛИ ВЫРАЗИЛ ХОТЬ И ТУМАННУЮ, НО ВЕСОМУЮ МЫСЛЬ, ЧТО ПОЛИТИЧЕСКАЯ...

И тут меня снова вызвал специалист по молниям. Я сбежал вниз, закипая от раздражения. Он начал с того, что ему легче умереть, чем оторвать меня от любимого занятия, но его наняли в надежде на то, что работа будет выполнена умелой рукой мастера, и она выполнена. Усталость-де побудила его искать столь нужное отдохновение от трудов, и он уж было предался праздности, как вдруг, глянув на крышу, понял, что ошибся в расчетах: разразись гроза, дом, к которому он проявляет личный интерес, будет беззащитен, ибо шестнадцать громоотводов смогут лишь...

— Давайте решим дело миром! — закричал я. — Ставьте сто пятьдесят точек! Ставьте громоотводы на кухню, ставьте десяток на сарай! Два — на корову! Один — на повара! Утыкайте ими весь злосчастный дом, пока он не уподобится зарослям тростника, оцинкованного, с серебряными наконечниками. Больше жизни! Не стесняйтесь, расходуйте весь материал, все, что есть под рукой. А не хватит громоотводов, беритесь за водоотводы, используйте для отвода глаз все, что удовлетворит вашу мрачную тягу к индустриальному пейзажу и даст передышку моему горящему мозгу и исцеление истерзанной душе!

Моя речь не тронула этого железного человека, и, даже не улыбнувшись в ответ, он хладнокровно закатал рукава и сказал, что пора браться за дело. Все это произошло три часа тому назад. Не знаю, хватит ли у меня присутствия духа вновь взяться за перо и обратиться к благородному предмету политической экономии, но соблазн велик, ибо нет в мировой философии ничего столь близкого моему уму и сердцу.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ — САМЫЙ ЩЕДРЫЙ ДАР НЕБЕС ЧЕЛОВЕКУ. КОГДА РАСПУЩЕННЫЙ, НО ОДАРЕННЫЙ БАЙРОН ЖИЛ ИЗГНАННИКОМ В ВЕНЕЦИИ, ОН КАК-ТО ЗАМЕТИЛ: ЕСЛИ Б Я МОГ ВЕРНУТЬСЯ И ПРОЖИТЬ ЗАНОВО НЕРАЗУМНО РАСТРАЧЕННЫЕ ГОДЫ, ТО ВСЕ ПЕРИОДЫ ЯСНОГО, НЕ ЗАМУТНЕННОГО СПИРТНЫМ СОЗНАНИЯ ПОСВЯТИЛ БЫ НЕ РИФМОПЛЕТСТВУ, А ЭССЕ НА ТЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

ЭТУ ТОНКУЮ НАУКУ ЛЮБИЛ И ВАШИНГТОН, А ТАКИЕ ИМЕНА, КАК БЕЙКЕР, ДЖАДСОН И СМИТ, СВЯЗАНЫ С НЕЙ НАВЕКИ...

— Нет, умоляю, больше ни слова. Предъявите счет и отныне и во веки веков храните в этом доме глухое, безграничное молчание. Девятьсот долларов? Это ваше последнее слово? Получите чек на эту сумму, его с готовностью оплатит любой уважаемый банк в Америке. А почему это на улице собралась такая толпа? Смотрят на громоотводы? Господи, да что они их раньше не видели? Никогда не видели целый лес громоотводов на одной крыше? Я вас правильно

понял? Спустишь вниз и посмотрю на это массовое проявление невежества.

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ.

Вся семья измучена. Целых двадцать четыре часа наш ошетинившийся дом был притчей во языцех для всего города. Театры пустовали: самые изобретательные постановочные эффекты казались людям скучными и банальными по сравнению с моими громоотводами. День и ночь вся улица была запружена зрителями, многие ротозеи приехали из окрестных деревень.

Какое несказанное облегчение мы испытали, когда на второй день началась гроза, и молнии стали бить в мой дом! Как говорится, места для публики опустели. Через пять минут на расстоянии полумили от нашего дома не было ни одного ротозея, но зато они облепили окна, крыши и балконы всех высоких домов, стоявших на приличном удалении от нашего. И этим людям было на что посмотреть! Если бы все падающие звезды и фейерверки в честь Четвертого июля за жизнь целого поколения соединились в один сверкающий дождь и пролились одновременно на одну крышу, это было бы заурядное зрелище по сравнению с чудом пиротехники, каким стал мой дом, блиставший в грозном мраке. Мы подсчитали, что молнии ударили в него семьсот шестьдесят четыре раза за сорок минут, но, зацепившись за верный громоотвод, соскальзывали вниз, не успев удивиться, как их ловко провели. За всю бомбардировку повредило только несколько шиферных плит, и то потому, что в этот миг все соседние громоотводы любезно препровождали молнии вниз. Со времени сотворения мира никто не видел ничего подобного. За целый день и целую ночь ни один из моих домочадцев не решился высунуть в окно голову: молния обрила бы ее наголо, сделав гладкой, как бильярдный шар. И уж поверьте, никто из нас и думать не смел о том, чтобы выйти наружу.

Наконец ужасная осада кончилась, и в тучах, проплывавших над ненасытными громоотводами, не осталось больше электричества. Тогда я вышел из дома, нанял смелых работников, и мы не сомкнули глаз, пока не содрали с крыши техническое сооружение, вселявшее в людей такой ужас. Три громоотвода остались: на крыше дома один, один на кухне, один на сарае. Как видите, они торчат там и по сей день. И лишь тогда люди осмелились снова пройти по нашей улице.

Кстати, за все это страшное время я не брался за эссе по политической экономии. Я и сейчас еще не настолько уравновешен психически, чтоб возобновить эту работу.

К СВЕДЕНИЮ ПУБЛИКИ!

Лицам, желающим приобрести три тысячи двести одиннадцать футов оцинкованных спиралевидных стержней для громоотводов, а также тысячу шестьсот тридцать два грозových разрядника

с серебряными наконечниками — все в удовлетворительном состоянии и даже с учетом большого износа, годное к употреблению в обычную грозу,— обращаться с предложениями к владельцу газеты.

НЕВООБРАЗИМАЯ РУССКАЯ БАНЯ

Вчера я едва оправился от злополучного острого насморка, а сегодня у меня такое ощущение, будто после жестоких морозов наступила оттепель — звон и барабанная дробь в ушах, жуткое чувство удущья в груди и притом — подавленное настроение и полное безразличие к жизни. Стоят холода, и от мерзкого запаха угля можно одуреть. Мало того, в голову постоянно лезут мысли о самоубийстве и похоронах.

В таком состоянии духа я был готов на любой отчаянный поступок и, чуть ли не восхищаясь собственным безрассудством, решил пойти в баню. Минут через пять я уже боролся с пронизывающим ветром, оставляя глубокие следы на мягком свежевывавшем снегу, а через пятнадцать оказался возле громадины, именуемой «Русская баня». У меня не было столь дерзновенных помыслов, но после недолгого колебания я все же вошел в русскую баню.

Поднявшись по лестнице шикарного заведения, я миновал усталый ковровый холл и попал в просторную, изысканно убранную гостиную с дорогой мебелью и картинами. Эта роскошь, разумеется, лишь действовала мне на нервы. Чрезвычайно обходительный управляющий занес мое имя в приходскую книгу, получил с меня один доллар с четвертью, принял на хранение часы и портмоне, выдал мне билет и порекомендовал заботам другого служащего, а тот проводил меня в покои, где надлежало раздеваться.

Здоровый молодой красавец, прямой потомок Адама (я говорю — Адама, потому что на нем был лишь тряпичный фиговый листок), отвел меня в просторное помещение, где было жарко, как в аду; он дал мне таз с холодной водой — обмыть лицо, чашку ледяной воды для питья и скрылся. Пол здесь был решетчатый, посреди зала размещалась глубокая ванна, а по краям — два длинных ряда высоких и широких мраморных ступеней — нечто вроде лестницы, кончавшейся на полути к потолку.

Помещение постепенно наполнялось паром, и я стал потеть. Из каждой поры моего тела каплями вытекала вода, и каждая капля была величиной с шар — игрушечный, конечно. Я поднялся на одну ступень, потом на другую, и чем выше я поднимался, тем горячее становился воздух. Пар сгущался все больше и больше, и вскоре свет газовых ламп начал расплываться, как в тумане. Не в силах дышать носом — пар был слишком плотный,— я хватал воздух ртом, и хорошо, что рот у меня, как пароходный люк, иначе я бы непременно задохнулся.

Конечно, я немного трусил, памятуя о взрывах на пароходах, ведь давление пара во мне приближалось к ста шестидесяти фунтам на квадратный дюйм; закрой я хоть на мгновение свой дроссельный клапан, моя жаровая труба лопнула бы. Утешало одно — стоило мне при таком давлении потерять голову, и вся баня разлетелась бы к чертям собачьим.

В этот критический момент появился Адам, и я очень ему обрадовался, хоть не мог поклясться, что именно он маячит в густой пелене пара. Адам проводил меня под душ, вернее, под холодный ливень, но это было приятно. Затем, уложив меня на мраморную ступень, он намылил меня с ног до головы и принялся скрести мое тело чем-то чуть жестче платяной щетки и чуть мягче конской скребницы. Под конец он снова окатил меня водой, но только я выпрямился, этот бездомный бродяга хлестнул меня по спине струей кипятка. Сделав мгновенный поворот кругом, я попал под струю холодной воды, а когда взвился от неожиданности, то хватил горячего пару сверху, струю горячей воды снизу и ледяной, коловшей тело, словно тысяча иглол, посередке. Ничто другое не способно так быстро расшевелить человека. Вот уж поистине утонченная пытка!

Тем временем бесчувственный русский, загнав меня в угол, обрушил потоки кипятка и ледяной воды на каждую клеточку моего тела. Сказать, что такая процедура развивает в человеке резвость, было бы чересчур приглаженно и бесцветно. А русский уже подгонял меня к ванне. Тогда я прямо заявил, что если на очереди — печь, ледник, землетрясение и поражение молнией, то я, пожалуй, сначала разделаюсь с этими невзгодами, чтоб не висели над душой, разумеется, при условии, что владельцы русской бани не возражают. Но иностранец отрицательно покачал головой, вид у него был весьма озадаченный — тонкий сарказм всегда озадачивает иностранцев, — и я безропотно пошел в ванну.

После купания я снова вскарабкался на мраморную ступень — потеть, париться и жариться еще пятнадцать минут, а потом Адам снова подверг меня испытанной изоэнтальной системе пыток, завершив дело душем-ниагарой. Этот душ смысл все мои грехи, если только они не запеклись внутри, потому что мгновение спустя я чувствовал себя так, будто заново родился.

Адам провел меня в более прохладное помещение, растер грубым полотцем, а потом, уложив на кушетку, тер, мял, давил тело костяшками пальцев, как тесто, вытягивал суставы и пытался выдернуть с корнем конечности. Но вот он нежно провел по мне мягкой щеткой, усадил и долго чесал мне голову ногтями — минут десять, не меньше. Но тут уж я взял реванш — он ничего не поймал.

Одевшись, я вернулся в гостиную, где получил свои ценности, и поскольку вежливый управляющий настаивал на том, чтоб я с ним выпил (во всяком случае, сделал такое предложение), я выпил

глоточек водки, чтоб его порадовать, и пошел своей дорогой. Мне очень понравился этот молодой человек, жители Нью-Йорка редко проявляют любезность к незнакомым людям.

Я бодро шагал по улице; никогда еще порывистый ветер не казался мне столь бодрящим и упоительно благоуханным, и если в этом старом мире осталось еще что-нибудь мрачное и унылое, то мои пять чувств его не воспринимали. После русской бани ничего не страшно.

АФОРИЗМЫ, ШУТКИ...

Наше ремесло полезно, наше призвание достойно. При кажущейся несерьезности и беспечности юморист имеет одну важную цель, один долг, одно назначение — и остается верным ему — осмеивать ложь, срывать маску с вероломства, сражать насмешкой глупое суеверие. И тот, кто, не задумываясь, посвящает себя этой борьбе,— заклятый враг монархий, аристократии, наследственных привилегий и прочих надувательств и подлинный защитник человеческих прав и человеческой свободы.

* * *

Богатство, в котором не отказано ни одному народу на земле,— юмор.

* * *

Юмор приводит в действие механизм ума.

* * *

Острословие само по себе ничего не стоит, если в нем нет сердцевины — мудрости.

* * *

Острота — это неожиданное бракосочетание идей, которые до свадьбы даже не были знакомы.

* * *

Я очень ценю юмор, он мне близок по своей природе, но я не хотел бы, чтоб он стал для меня хлебом насущным. В своих собственных интересах юмор должен появляться в серьезной компании. Его красочный наряд становится еще ярче и насыщенней в окружении спокойных тонов.

* * *

Один наш город на Западе обходится без газеты, ее с успехом заменяет клуб рукодельниц.

* * *

В первом номере новой газеты напечатано письмо в редакцию за подписью «Постоянный читатель».

* * *

Сердце вдовы, вновь вышедшей замуж, подобно мебелированному комнатам: всегда там отыщется что-то, оставленное прежним жильцом.

* * *

Молодая леди проглотила мышьяк, чтобы придать лицу «интересную бледность». Она добилась результата... посмертно.

* * *

Газета на Западе поместила объявление, что ей требуется смелый редактор, который имел бы на своем счету не менее 67 дузлей.

* * *

Деревенский житель, увидев мраморные статуи в парке, воскликнул: «Какая расточительность! Держать шесть пугал на таком крошечном клочке земли! Да каждое из них могло бы спугнуть всех ворон с самого большого поля!»

* * *

- Вы предъявили иск ответчику? — спросил юрист клиента.
- Да, сэр.
- Что же он сказал?
- Послал меня к черту.
- А вы что сделали?
- Пришел к вам, сэр.

* * *

Что нужнее всего на свете? Невежество и самоуверенность. И жизненный успех обеспечен тому, кто ими обладает.

* * *

Американское общественное мнение — ткань весьма тонкая. Чуть тронь, и расплзается, как утренний туман.

* * *

В двух случаях человек не должен заниматься биржевой спекуляцией: когда у него нет денег и когда у него есть деньги.

* * *

Если бы господь послушал моего совета, он начинал бы с другого конца, создавая человека. Мы тогда рождались бы стариками и постепенно молодели. Ведь было бы куда легче пережить всю горечь и бессилие старческого возраста в начале жизни!

* * *

В связи с нынешними выборами президента мне вспомнился такой случай. Один человек за несколько минут до своей кончины подождал

к себе священника и спросил: «Все-таки куда лучше пойти?» Для него этот вопрос все еще оставался нерешенным. «Каждое из мест имеет свои положительные стороны,— ответил умирающему святой отец,— в раю климат, но зато в аду общество».

* * *

Обратите внимание на поговорку: «Истина глаголет устами младенцев и неразумных». Какой из этого можно сделать вывод? Что взрослые и умные люди никогда не говорят правды.

* * *

Правильная пропорция для афоризма: минимум слов, максимум смысла.

* * *

Говорят, что образование — самое популярное развлечение в Теннесси. Переживет ли оно велосипед?

* * *

В Сент-Луисе юристы называют друг друга «лжецами» и «трусами». Это доказывает то, что иногда они говорят правду.

* * *

Объявления на улицах Лондона приглашают верующих в храм: «Нед Райт, который до обращения был трижды судим за кражу со взломом, прочтет проповедь. Денежных сборов не будет. Добро пожаловать!»

* * *

В Хатфорде ребенок упал с третьего этажа и был подобран на тротуаре целым и невредимым. На следующее утро он свалился с кровати и сломал себе шею. Честолюбие, принявшее нездоровую форму,— самое прискорбное человеческое качество.

* * *

Некто в Новом Орлеане проглотил патентованное средство, чтобы избавиться от веснушек. На лице у него еще осталось несколько штук, но внутри — ни одной.

* * *

Однажды молодой поэт прочел свою новую пьесу «Комитету французской комедии». Пьеса была единодушно отвергнута. Поэт обратился к одному из членов жюри, известному актеру:

— Я вправе жаловаться на вас. Вы голосовали против моей пьесы, но, когда я ее читал, вы спали.

— Сэр, в литературных вопросах сон тоже выражает мнение,— ответил член жюри.

* * *

Я люблю смотреть на спящих мужчин в церкви: они всем видом показывают твердую решимость отвлечься от всего земного во время

службы. Психологический факт, что женщины никогда не спят в церкви. Их милые души погружены в благочестивое созерцание... прелестной шляпки в первом ряду.

* * *

Путешественник вносил свое имя в книгу для регистрации одного из отелей Ливенуэрта, когда увидел клопа, пересекавшего страницу. Опомнившись от удивления, путешественник заметил:

— Мою кровь пили блохи в Сент-Джо, меня кусали пауки в Канзас-Сити и донимали мыши в Форт-Скотт, но будь я проклят, если мне доводилось бывать в таком месте, где клопы высматривают в книге для регистрации, в каком номере вы остановились.

* * *

Принципы не играют большой роли, разве что во время выборов. После выборов их можно развесить на веревке, чтоб они как следует проветрились и просушились.

* * *

Учиться самому — достойное занятие, но учить других еще достойнее — и проще.

* * *

Нет меры тщеславия, есть лишь мера умения скрывать его.

* * *

Всегда честно признавай свои ошибки, это притупит бдительность начальства и позволит тебе натворить новые.

* * *

Никогда не говори правду тем, кто ее недостоин.

* * *

Никогда не лги, разве что для практики.

* * *

Не расходуйте ложь попусту, откуда вам знать, когда она и впрямь может пригодиться?

* * *

Счастье не вещь в себе, а контраст с чем-то неприятным.

* * *

Когда я был помоложе, я помнил все — и то, что было, и то, чего не было. Теперь я старею и скоро стану вспоминать лишь последнее.

* * *

Когда взбираешься на гору счастья, да не повстречается тебе друг твой.

* * *

Мы всегда слишком заняты для своих детей и не уделяем им ни времени, ни внимания, которого они заслуживают. Мы осыпаем их подарками, но самый ценный подарок, столь важный для них, радость общения, дружбу, мы дарим нехотя и растрачиваем себя на тех, кому совершенно безразличны. Но в конце концов мы получаем по заслугам. Приходит время, когда нам больше всего на свете нужно общество детей, их внимание, и нам достаются те жалкие крохи, которые приходились на их долю.

Хорошее воспитание — это умение скрыть, что вы очень высокого мнения о себе и очень невысокого о своем собеседнике.

* * *

Перевод всегда изменяет произведение и оттеняет его с какой-нибудь совершенно новой стороны; ценность произведения таким образом удваивается, и мы получаем два произведения вместо одного.

* * *

Похвала всегда приводит в смущение: не знаешь, что сказать, не находишь нужных слов. Да и что можно сказать в ответ на комплимент? Меня хвалили великое множество раз, и я всегда смущался. Я каждый раз чувствовал, что могли бы сказать и больше.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РАССКАЗЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ

Ознакомьтесь с биографией претендента! <i>Перевод В. Лимановской.</i>	3
Факты по делу швейцара сената. <i>Перевод Н. Колпакова.</i>	4
О равноправии женщин. <i>Перевод Н. Колпакова.</i>	8
Наш дражайший душевнобольной. <i>Перевод Н. Колпакова.</i>	11
Литература о патентованных лекарствах, не предназначенная для печати. <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	14
Когда сомневаешься, говори правду! <i>Перевод В. Лимановской.</i>	16
Страхование жизни. <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	18
Совет родителям. <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	20
Восстановление аппетита. <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	21
История с привидением. <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	31
Политическая экономия. <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	35
Невообразимая русская баня. <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	40
АФОРИЗМЫ, ШУТКИ... <i>Перевод Л. Биндеман.</i>	42

Марк ТВЕН

ОЗНАКОМЬТЕСЬ С БИОГРАФИЕЙ
ПРЕТЕНДЕНТА!

Рассказы, фельетоны, афоризмы, шутки

Редактор Ю. С. Новиков

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 23.04.85. Подписано к печати
12.06.85. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная.
Гарнитура «Школьная». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,80.

Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 85 000 экз.

Изд. № 1641. Зак. № 676. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865,
ГСП, Москва, А-137. ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Сотни тысяч человек постоянно занимаются оздоровительным бегом на стадионах, построенных и реконструированных с помощью доходов лотереи «Спортлото».

● Каждый участник этой популярной лотереи вносит вклад в развитие физкультуры и спорта, помогает спортивному строительству.

● Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по воскресеньям. Билет лотереи участвует в тираже двумя вариантами номеров. Он считается выигрышным, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов. Выигрыш — от трех до 10 000 рублей.

● Желаем вам, дорогие друзья, удач в игре, успехов в физкультуре и спорте.

**Главное управление спортивных
лотерей Спорткомитета СССР**